

Колдовские миры

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

Азъ есмь Софья. Царевна

Annotation

Над Русью вновь собирается гроза: совершают набеги крымчаки, готовится к войне турецкий султан, плетут интриги бояре...

Как тут остаться безучастной? Софья, любимая сестра царевича Алексея, просто обязана вмешаться. Предстоит новая кровавая сеча, в которой русичи и поляки должны плечом к плечу встать против общего врага. И выжить. И победить.

А чтобы помочь и брату, и родной стороне, нужно взять на себя тяжкий груз ответственности — строить корабли, организовывать производство оружия, налаживать отношения Руси с соседями... Разве смогла бы это все поднять обыкновенная царевна? Но по плечу ли эта ноша женщине из будущего?

Галина Гончарова

Азь есмь Софья. Царевна

*Страшишься выбирать, но жизнь тебя заставит,
Ответишь за себя – и чудом за других,
За тех, кого вчера себе не мог представить,
За тех, кто встанет рядом, за близких и родных.
Уже нельзя принять ничьи слова на веру,
Не знаешь, чем судьба возьмет с тебя долги,
Жестокая игра, не знающая правил.
Уходят вдаль друзья. Уходят вслед враги.
Решенья принимать – жестоко, беспощадно,
И самому себе не веря до конца,
Сбивая руки в кровь, ты понимаешь в страхе,
Что нет, не избежать, тернового венца.*

© Гончарова Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

– Наташа, дружок мой, присядь поближе. Надобно тебе волосья получше убрать. Да мой жемчуг сегодня наденешь...

– Благодарю вас, тетушка.

Евдокия Матвеева оглядела девушку и кивнула.

Ну разве не хороша, разве не блестяще красива Наталья во всей своей юности?

Волосы черные, словно ночь, глаза крупные, черные, чуть навывкате, но ее это не портит, светлое платье ладно сидит на полной статной фигурке, соблазнительно показывая округлые плечи...

Просто восхитительна!

Неспроста так прихорашивала бесприданницу Евдокия, ой неспроста...

Дело происходило в доме Артамона Матвеева, а женщины были его близкими родственницами. Евдокия, в девичестве Мэри Гамильтон – супругой. Наталья же Кирилловна Нарышкина – воспитанницей.

Как дальновидный и умелый политик, Матвеев собирал людей впрок и давненько покровительствовал Кирилле Нарышкину. Но – не просто так.

Дочь Кириллы, Наталья, одна из всех его чад, воспитывалась у него в доме и достаточно давно – еще с той минуты, как заметил Артамон Сергеевич в юной девушке, почти девочке, недюжинный характер и холодную расчетливость.

Казалось, Наталью не интересует мирское, она любила ходить на кладбище, молиться об усопших, но в то же время... Обладая внутренней силой сам, Матвеев нутром чувствовал то же и в других людях. И будучи в гостях у Кириллы Нарышкина, приглядывался к его детям.

Наталья, старшая. Иван, Афанасий, Лев, Мартемьян, малыши еще, несмышлениши – пока в детях не было ничего интересного, как и в их отце, Кирилле, которому и не надо было ничего, кроме его стрельцов, да вкусно покушать, да сладко выпаться. Но Наталья...

В том, как она отстраненно держала себя, как наклоняла голову, как пристально смотрела на собеседника – в самую его душу, чувствовалось в ней нечто расчетливое, жесткое...

Тогда и попросил он жену побеседовать с юной «черничкой».

Наталья была юна, но таиться от Мэри не стала. И тетушка с изумлением услышала, что семья Кириллы небогата, к царю-батюшке не приближена, а стало быть, на достойный брак Наталья рассчитывать не может. Нет, если бы эти слова произнесла ее мать! Мэри не удивилась бы, ибо то была чистая правда. Но – дочь?!

Дитя, которому и пятнадцати лет не сравнялось?

Наталья не скрывала своих намерений. Ей не хотелось выходить замуж за бедняка и всю жизнь рожать ему детей и высчитывать копейки. Юная девушка собиралась спокойно и расчетливо уйти в монастырь. Она была грамотна, хозяйственна, сознательно создавала себе славу богомолки – и хотела всем этим воспользоваться, чтобы стать игуменьей и обрести самостоятельность – и власть.

Не то чтобы ее не манило замужество, но с достойным – и никак иначе!

Мэри задумалась – и передала эти слова своему мужу, после чего побеседовать с девушкой пожелал уже сам боярин.

И услышал те же самые речи.

Решения Артамон Сергеевич принимал быстро и назавтра же говорил с Кириллой Нарышкиным о том, что дочь его надо забирать в столицу. В деревне сей дивный цветок зачахнет без ухода. В Москве же!..

О, в доме у Артамона Сергеевича бывает много людей – и в том числе даже бояре. Несомненно, юная Наталья составит достойную партию!

Возражал ли Кирилл?

Да он был счастлив, что с его шеи снимают лишний рот и что через дочь он еще более приближается к такому великому человеку, как боярин Матвеев!

Возражала ли Наталья?

Отнюдь. Девушка была полна решимости распорядиться неожиданной удачей как можно лучше – себе на пользу. И да, она умела быть благодарной. Она отлично понимала, что Матвеев потребует с нее плату за свои милости – ее ли делами, делами ли ее супруга, но собиралась отдать этот долг. А для начала...

Наталья училась.

Она бегло читала и достаточно сносно говорила на нескольких языках. Ловко научилась носить европейское платье и танцевать. Пела и музицировала. И, разумеется, не забывала молиться.

Матвеев был образован – и в его доме водились новейшие книги и пьесы из Европы. В том числе – и из Франции, где на сцене безраздельно царил господин де Мольер.

Его комедиями Наталья восхищалась и готова была перечитывать сотню раз. Особенно «Тартюфа».

Не бойся грешным быть, но бойся грешным слыть!

Если бы у юной Натальи был щит – она бы начертала на нем эти строки. И была бы благочестива, скромна и подчеркнуто невинна.

А через пару лет Артамон Матвеев принялся подыскивать ей жениха.

Впрочем, Наталья охотилась на крупную дичь. А если быть точной – на царевича Кахети Ираклия. Сей достойный юноша с детства проживал при царском дворе под именем царевича Николая Давыдовича. Был он на тринадцать лет старше Натальи и, что приятно, – умен, красив, богат, пользовался поддержкой народа Кахети... Наталья даже была в него чуть влюблена.

А какими горячими черными глазами он глядел! Какие слова говорил!

Увидев юную Наталью в доме Артамона Матвеева – царевич сначала восхитился красотой юной девы. Потом оценил ее ум. А под конец, когда безумно захотел поймать в свои сети эту лакомую добычу – то и ее скромность, с которой девушка отвергала все домогательства.

Нет-нет, ни в коем разе! Честь моя – это все, что есть у меня...

Ираклий получил жесткий отпор – и вспылал еще больше, но покамест было не до брака.

Прелестница все-таки была не самого знатного рода, бедна, к тому же Артамон Матвеев тоже не торопился с обещаниями помощи возможному родственнику. А помощь Ираклию была нужна, очень нужна...

Пока на троне в Кахети сидел сын царя Картли – Арчил, пока его поддерживал отец...

Нужны были войска, деньги...

О, если б на то пошло, с большей радостью Ираклий породнился бы с русским царем, а прелестную Наталью забрал с собой в горы, но...

Царю такой «родственничек» тоже был особо не нужен. Алексей Михайлович предпочитал кормить кахетинца обещаниями, которые не шли дальше его двора.

Ираклий находился в подвешенном состоянии – какая уж тут жена?

Наталья, впрочем, рассчитывала добиться своего, ибо слаще запретного плода – только два запретных плода. Но ей требовалось время.

– У нас гости сегодня, тетушка?

– Да. Его величество и его высочество, – на иностранный манер назвала царя и царевича Мэри. – И я попрошу тебя подать им легкую закуску.

– Как прикажете, тетушка.

– Ираклий покамест еще молчит?

– Да, тетушка.

– Ничего страшного. Подождем чуть...

– Мне ведь осьмнадцать лет, тетушка...

– В монастырь ты всегда успеешь, – безжалостно отрезала Мэри, зная, что такой тон с Натальей действовал лучше всего. И верно, девица чуть надула малиновые губки и принялась осторожно укладывать в сложную прическу черные пряди.

Царь... ну что же, что царь. Старый он уже, да и по жене горюет, вот дядюшка и пригласил его – выступления домашнего театра посмотреть, побеседовать.

А что до царевича – Наталья и не видела его ни разу. Не дружен был молодой Алексей Алексеевич с боярином Матвеевым – вот и не бывал у того в доме, как ни приглашал его боярин, как уж ни улещивал. Разве что сегодня...

– Тетушка, так дядюшка с царевичем замирился?

– Не твоего ума дело, – отрезала Мэри. Наталья пожала плечами.

О неприязни Алексея Алексеевича... даже не так – неблаговоления его боярину Матвееву разве что вороны на деревьях не знали. А так вся Москва шепталась, что как царевич на троне окажется, так Матвееву и ехать в ссылку в поместье дальнее.

Мэри вспомнила, как муж сжимал кулаки.

– Щенок! Сопляк!

– Успокойся, любовь моя. Что случилось?

– Да царя я к себе пригласил... хотел Алексея Михайловича развеять, чай, после смерти жены он все горюет. И на тот момент сынок его рядом оказался, старшенький.

– И?

– Так Алексей Михайлович и сына с собой позвал, мол, пойдешь, сынок? Душой развеяться... А этот недоросль смотрит на меня, как на вошь, и издевательски так отвечает – ради батюшкиной воли он и в огонь пойдет, не то что комедии смотреть, когда матушки всего пару месяцев как не стало.

– Ох ты Господи!

Мэри была умна и отлично понимала, что это значит. Это уже было не просто неприятие. Мальчишка показывал зубки. А учитывая, что обаяние Артамона на щенка не подействовало, да и согнуть царевича не удавалось – все становилось весьма опасно...

Придет он к власти – все попомнит.

Фактически царевич предлагал Артамону Матвееву не зарываться и придержать свои усилия по пролезанию в царские ближники, а не то ведь... сочтемся.

– Хоть и не комедия это вовсе, а библейские сцены о трех юношах в печи огненной. Старец Симеон написал...[\[1\]](#)

Мэри это не утешило. О том, как старец Симеон из Дьяково вылетел, тоже вся Москва знала. Увы...

* * *

– Сонюшка, ну что за... свинство! На матушкиной могиле земля осесть не успела, а Матвеев... Гнида!

– Блюдолиз он и властолюбец, – Софья пожала плечами, глядя на братца Алешеньку, – что ты хочешь, ему при царе быть охота, а следующим царем ты быть должен. Вот и подлизывается, старый лис...

– Ничего, я его хорошенько осадил сегодня...

– А отец не прогневался?

– Смутился батюшка, но пойти решил.

– Ну и ты сходи. Только помни, что в доме Матвеева тебя опутывать по рукам и ногам будут.

– Порвем любые путы!

Алексей Алексеевич рассмеялся, передернул плечами – и Софья залюбовалась братом.

И когда успел вырасти?

Как сейчас помнила шестилетнего рыхлого мальчишку со щеками, из-за которых ушей видно не было! Зато сейчас!

Стоит этакий юноша, высокий, подтянутый, стройный, сильный. Вон плечи какие широкие, глаза синие, волосы золотые кольцами по плечам – погибель девичья! И с саблей ловок, и с лошадьми – казаки натаскали.

Да и с девками...

Софья мыслей на ветер не бросала. Были у нее несколько девушек, которые слабы были на это дело. Да настолько, что замуж их выдать возможным не представлялось – прибьет же любой мужик такую гулящую.

Софья сильно подозревала, что это не бешенство матки, а юная дурь. Да и гуляли они ради удовольствия, накотуются – успокоятся. А пока...

Не гнать же их от себя?

Конечно, нет! Использовать!

Только за здоровьем следить – и тщательно. С каждой из четырех девушек Софья провела личную беседу – и каждая понимала, что благополучие ее зависит от царевны. Софья будет и терпеть, и прикрывать, и с детьми поможет, буде те появятся, и лекаря даст, опять же, но...

Ежели царевна попросит с кем-то специально закрутить, уж не откажи в любезности!

Ни одна из девушек не отказалась. Тем более было оговорено, что подарки, деньги и прочее, чем сочтет нужным одарить полюбовник, – при них и останется. Софье ни гроша медного не надобно. И где еще можно такие райские условия найти?

Девушки молиться готовы были на свою благодетельницу. И ежели ради нее потребуется поиграть в перстенок да сваечку с парой бояр... ну так что же?

Невеликая цена за благополучие.

Так что пару недель назад, оказавшись в Дьяково, Софья переговорила с одной из девушек, Ефросиньей. Было сделано честное предложение, проведен осмотр у лекаря – и

Алексей Алексеевич проснулся от нежного поцелуя, на который ответил раньше, чем успел включиться мозг. А потом и включаться было незачем. Основной инстинкт прекрасно сработал вместо разума.

Фрося была умна и отлично понимала, что замуж за царевича ей не выйти, а потому и привязывать его к себе ни к чему. Научить всему, что мужчина должен уметь, да и уйти, оставив по себе добрую память. Тогда и ей приданое большое будет, и царевна клялась, что всегда ей поможет, а то и ее детям, да и царевич...

Первую женщину обычно не забывают. А если все провести правильно – Алексей Алексеевич ее долго добрым словом вспоминать будет.

Кто бы сказал Фроське-карманнице, что она в постели с царевичем окажется...

Ведь на улице жила, воровала, потом попала в руки страже, а те ее привели на двор к боярину Стрешневу. А оттуда – к царевне в услужение. По первости думала она сгрести побольше золотишка в карманы да сбежать, даже и приглядывать начала, что бы взять, а потом, как разобралась, куда попала да чему ее учат...

Да она каждое утро молилась и за царевича Алексея, и за сестру его Софью, и за добрую тетку Анну! А бежать?.. Где она еще такие райские условия сыщет?

Так что за брата Софья была более-менее спокойна.

На чем ломаются мужчины?

Деньги? Есть.

Власть? Куда уж больше, второе лицо в государстве!

Женщины...

Теперь и тут соломки подстелили.

– Все равно поберегись. Матвеев – та еще гадина.

– Зато народ его хвалит.

– А это главный показатель, – усмехнулась Софья. Из своего опыта она отлично знала, что больше всего хвалят как раз негодяев, а уж кто... народ ли, СМИ ли... да какая разница?

Грамотно организованная пиар-кампания – это практически философский камень. Превращает любое дерьмо в золото!

Алексей уселся на край стола и взъерошил сестренке волосы.

– Сонька, ты у меня чудо!

– Я рада, что ты это осознаешь, – ухмыльнулась Софья, выдергивая из-под братского седалища очередной документ. – Расскажешь, как вернешься?

– Ты спать уже будешь...

– Растолкаешь ради такого дела. Или вообще спать пока не лягу, с Марфушей пообщаюсь. Лешка, у нас девка на выданье простаивает!

– И не абы какая! Царевна, умница, красавица...

Что было – то было. Внешностью Марфа пошла в мать – Марию Милославскую, только глаза взяла отцовские, синие. Но все равно, белокожая синеглазая брюнетка с королевской осанкой и плавными движениями производила сокрушительное впечатление. Красавица – и все тут. Даже чуть неправильный прикус не портил девушку, а наоборот, придавал ей дополнительное очарование.

– Приглядываем царевича?

– И из заморских. Сам понимаешь...

Алексей понимал. Пока бояре сильнее царя, пока стрельцы себе бунтовать позволяют – лучше внутри страны не родниться и кровь не смешивать. Чтобы не было лишних

наследников по женской линии.

А вот в другие страны...

– Грузия? Картли? Кахетия?

Софья чуть сморщила нос.

– Алексей Алексеевич, летайте выше! Как насчет Прусского курфюрста?

– Фридрих Вильгельм? Он женат.

– Зато у него есть сыновья. Карл Эмиль – четырнадцать лет. Опять же Фридрих – тот чуть помоложе, ему сейчас двенадцать лет.

– Так Марфе-то...

– Семнадцать лет. У батюшки с матушкой как раз такая разница и была.

– Они ж лютеране!

– Нам ли плеваться – сами на грани раскола ходим...

– Отец не одобрит.

Софья сверкнула глазами.

– А ты сам напиши ему. Вместе напишем о добрососедских отношениях, о дружбе народов, о понимании, ну и намек сделай, что у вас сыновья, у нас дочери, не хотите ли хотите?

– А ежели не восхочет?

– Так намек же не предложение, нам урону не будет. А коли поймет да подхватит, там и подробности вписать можно.

– Сонь, а ты в Пруссию не хочешь? Ты там быстро всех научишь строем ходить.

Софья рассмеялась. От души потянулась.

– Алешенька, братик милый, чем перед тобой Пруссия провинилась, что ты меня туда заслать хочешь?

Алексей от души рассмеялся. Конечно, это было больше шуткой. Мысль о том, чтобы расстаться с Софьей его даже и не посещала. Более того, будучи умным парнем, он понимал, что большую часть его царевичевой ноши тащит именно Софья. Она разбирается со всеми школьными делами, рассказывая ему краткие выжимки и давая советы. Она знает, сколько, кому и чего нужно. Она разбирается с золотодобычей на Урале, зная чуть ли не поименно даже всех крестьян, не то что казаков. И это она читает всю царскую почту, фильтруя ее на полезную и ненужную, а потом и рассказывая ему все, что стоит внимания. Когда-то Алексей еще проверял сестренку, но потом понял, что для Софьи их интересы неразделимы, и успокоился. Ничего во вред ему Сонюшка не сделает, этого довольно. Вот за кого бы так сестренку замуж выдать, чтобы она навсегда рядом осталась?

Хоть сам женись, право слово!

– Батюшка намекнул, что я могу немецкое платье себе заказать. Сонь, ты не хочешь?

Софья замотала головой.

– Нет уж. Ни к чему нам немчуре всякой подражать! Это пусть они себе кафтаны заказывают!

– Дай время – будут.

– Как же, дам я им время! Со мной бы им кто поделился!

Софья тряхнула головой и улыбнулась. Время, время... сделано много, а сколько еще предстоит сделать?

Но у нее теперь есть кузница кадров, и есть первые подготовленные кадры. А через пару-тройку лет к ней будет стекаться информация со всей страны...

Развернемся!

– Ладно, пойду я к отцу, вскорости уж выезжать надо...

– Будь осторожнее, – Софья поцеловала брата в щеку, с грустью отметив, что если не подрастет – скоро придется стремянку подставлять, вытянулся, что твой тополь.

– Обещаю.

Софья вернулась за бумаги, но на сердце было беспокойно. Поехать, что ли, к Феодосии Морозовой? Там Ванька должен быть, с ним поболтать... или лучше не провоцировать?

Нет уж. Лучше сходить к Марфе.

Поговорить с ней, направить на изучение Пруссии... Чем черт не шутит? Отец не разрешит, так ведь царская свадьба не в один миг устраивается, Фридрих умница, каких поискать, намеки подхватит, а невеста-перестарок... да это у вас, в Явропах перестарок, а у нас – девка класс, кровь с молоком!

Да и незачем девчонку до двадцати лет замуж отдавать. Заодно будет время ей мозг проветрить, чтобы не рожала, как мать, каждый год по ребенку.

Дед, сволочь старая, Марию наставлял еще до брака, рожай чаще, этим ты мужа к себе и привяжешь – тетка Анна проговорила.

Вот ведь еще... назола!

Обещание Софья дала, но что делать с разочарованной девкой более чем сорока лет от роду, причем крупно разочарованной в жизни – пока не представляла. Особых талантов у тетки не было, замуж ее выдать тоже не светило – кому такое счастье нужно, да и сама она не пошла бы. Так что Анна обосновалась в Дьяково, где сидела в Софьиных покоях, плакала и жаловалась на судьбу. Одна надежда была у Софьи на протопопа Аввакума. Вот уж кто мозги любому промоет и на просушку выставит! Но время, опять же, требуется.

Так. Ладно. Пойдем-ка мы к Марфе...

* * *

Попав к Матвееву, Алексей Алексеевич только мысленно присвистнул.

Вот как есть – Явропа. Причем с тем оттенком, который придавала этому слову Софья. Язвительно-издевательским.

Ничего русского и нету. Зато стены обтянуты голубой с золотом тканью. Мебель же напротив, обтянута красным бархатом. Позолоченные ножки, резные ручки, гнутые стулья, модные шкапы, картины по стенам. Правда, в красном углу есть икона, но одна и такая скромная, что сразу и не разглядишь.

Матвеев ужом вился вокруг царя, громко восхваляя его мудрость и рассказывая, как он счастлив принимать у себя такого великого человека. А на долю Алексея досталась Евдокия Матвеева.

Да-да, Артамон Сергеевич не держал жену во внутренних покоях. Но при одном взгляде на нее у Алексея заломило зубы. Было что-то такое, сухое, расчетливое и в ее улыбке, и в ее движениях, хотя и была сия дама достаточно полнотела и безжалостно затянута в корсет. И даже в реверансе, который она исполнила так, чтобы юноша полюбовался на ее грудь в глубоком вырезе. Впрочем, грудь впечатления как раз и не произвела. Алексей вспомнил свою любовницу, у которой те же прелести были куда как свежее и приятнее для взгляда – и едва не фыркнул. И даже не подумал, как полагалось, приложиться к ручке хозяйки. Вот

еще не хватало!

– Ваше высочество, для нас честь принимать вас.

Алексей вежливо покивал. Спорить он не собирался. Счастье?

Да, оно и есть. И вряд ли вы его часто испытаете.

– Мы надеемся, что вам понравится наше скромное представление.

Которое? – едва не спросил Алексей. Если речь идет о представлении обнаженного тела в глубоком вырезе, так это зря. Его таким не впечатлишь.

– Батюшка пожелал развеяться, а мне предложил сопровождать его, – коротко ответил он.

– О, я буду надеяться, что вам понравится в нашем доме, ваше высочество, и вы придете к нам еще не раз.

Алексей усмехнулся. А потом с издевкой смерил взглядом всю госпожу Гамильтон-Матвееву. От туфелек, выглядывающих из-под подола, до довольно-таки полных плеч в глубоком вырезе. И усмехнулся. Так, что женщина поняла – ее приравнивали к обычной девке, выставлюющей напоказ свои прелести в надежде завлечь клиента. Вспыхнула краской, но было поздно.

Парень кивнул.

– Безусловно. В вашем доме есть множество вещей, вызывающих интерес. Скажите, это амур?

И демонстративно принялся разглядывать статуэтку.

Алексей и не ошибался, Евдокия Григорьевна отлично понимала, какое впечатление производит на гостей. Не привыкшие к европейскому платью, а более того, к дамам в откровенном наряде по последней французской моде, гости смущались. Опять же, ее молодость и красота служили добрую службу, как и умение поддержать беседу. И тут – такой афронт.

Ну откуда ж бедной женщине было знать, что открытыми платьями Алексея не удивить. Лейла по просьбе Софьи показывалась и в более откровенных нарядах. Более того, нечто подобное было сшито всем девушкам – и они прекрасно умели все это носить.

К тому же – культура движения.

Умеют показать себя гаремные красавицы... и тут Мэри Гамильтон тоже было до них далеко. Одним словом – на безрыбье она была королевой, а при удачной рыбалке – не более чем камбалой.

– Д-да... – после недолгого молчания, чуть заикаясь, пробормотала женщина. Алексей чуть скосил взгляд и довольно отметил красные пятна гнева на щеках и плечах. Вот и ладненько. Выведенный из себя противник прекрасно поддается допросу.

– И откуда выписали сие чудо?

– Из Венеции, ваше высочество.

– Зеркала, я так полагаю, тоже венецианские?

– Да, ваше высочество.

К такому отношению дама не привыкла. Алексей не собирался с ней любезничать, он вообще воспринимал ее как живой справочник. А привлекательность... кто-то другой посчитал бы ее привлекательной. Алексей же... Ну, так себе. Сойдет для сельской местности.

И менять свое мнение он не собирался.

– Пойдем, сынок. Посмотрим представление.

Домашний театр боярина Матвеева вместо скамеек был оборудован мягчайшими креслами, и Алексей удобно устроился в одном из них, позаботившись, чтобы оказаться подле отца. Да, конечно, рядом уселась рыжая матвеевская супруга, но всегда можно было изобразить внимание к представлению – и не общаться с дамочкой.

Само же представление на Алексея впечатления не произвело. Тяжеловесные вирши, библейский сюжет... скоморохи ему нравились куда как больше.

Да, по настоянию Никона, из городов их гнали, а вот в деревнях те работали. И в Дьяково тоже. Алексей несколько раз ездил посмотреть на представления, с удовольствием рассказывал о них Софье – и та сожалела, что не сможет пойти сама. Но для царевны сие неуместно. Был у них и задел на дальнейшее. Алексей, по настоянию сестры, щедро платил за представления, но после оставался – и расспрашивал скоморохов. Сам.

Узнавая, где какие порядки, кто сколько ворует, какая о ком слава идет...

Молва по стране пошла быстро, теперь многие скоморохи знали, что ежели есть какие сведения, то государь царевич за них может и монетой пожаловать. А уж что из Дьяково не погонят – так это точно.

Аввакум ворчал, но недолго и не сильно. Алексей подозревал, что это благодаря собственным Аввакумовым детям, которые также воспитывались при школе. Да и вообще, априори, все, что делал Никон – для Аввакума было неприятно. Хорошо хоть сейчас поостыл, перестал на все собакой бросаться. Но зубы остались.

Ничего, придумаем что-нибудь.

Грех между собой грызться, когда столько внешних врагов!

А вот царю понравилось. Он смотрел с воодушевлением, благодарил Матвеева, да и потом, в уютных креслах у камина – еще одно английское изобретение – был доволен и многословен. Алексей же...

С отцом он соглашался. А вот самого Матвеева разглядывал, как жука на булавочке. Нет, надо, надо будет его давить. Рано или поздно, но надо. Не потому, что Матвеев силен, нет. Это слабые люди боятся тех, кто сильнее. Но потому, что Матвеев преследует только свои интересы и уже пытается подмять под себя царя. Он и Алексея никогда не воспримет как государя, для него царевич – мальчишка. А значит – либо ломать жестко, либо просто убрать.

Скрипнула дверь, и в комнату вошла девушка. Поклонилась – то есть присела на иноземный манер, прошуршало по полу белое платье.

– Не побрезгуйте, государь...

Голос был неплох. Низкий, грудной, чистый. Алексей вскинул глаза.

Ну... ничего себе так.

Полновата, бледновата, но вполне себе симпатичная девушка. Разве что глаза слишком навывкате, она из-за этого лягушку напоминает. А вот отец смотрит с удовольствием.

А девушка замерла и слова сказать не может... да что с ней такое?

Алексей недовольно фыркнул – про себя, поднялся, забрал у нее из рук поднос, мимоходом коснувшись ледяных девичьих пальчиков, и поставил на стол. А то еще грохнет... Развели неумех! Вот Лейла такой и на голове носила, еще и девушкам показывала, как в танце не сронить, на колени опуститься, подать красиво... скорее бы в Дьяково!

Наталья ждала знака от тетушки, поглядывая в глазок. Как сложила Евдокия веер – подхватила поднос с винами и заедками разными – и лебедушкой поплыла в комнату.

Присела в реверансе, произнесла, как учили... а потом подняла глаза – и пропала.

Потому что не осталось в комнате никого.

Ни дядюшки с тетушкой, ни пожилого полноватого человека с русыми волосами – никого.

Потому что сидел в кресле самый прекрасный мужчина из всех, что Наталье видеть довелось. Золотоволосый, синеглазый, с такой улыбкой на устах, что сердце зашлось, в висках кровь забилась, в глазах поплыло все. Прижаться бы к нему, целовать, что сил есть... а пока она ни жива ни мертва стояла, красавец у нее поднос забрал.

– А это племянница моя, Наташенька, – услышала она голос дядюшки, только вот опаматоваться так и не смогла.

Кажется, что-то говорил пожилой человек, а Наталья отвечала, только вот что – она бы и не вспомнила, потому что сияли перед ней синие очи – и ничто другое значения не имело.

На подгибающихся ногах вышла – да и сползла за углом по стеночке. Слуги подхватили, в комнату унесли... И только там Наталья поняла – кого она видела.

Ведь в гостях у дядюшки сегодня были государь Алексей Михайлович и царевич Алексей Алексеевич.

Ой горюшко девичье...

* * *

Алексей и не понял, какое впечатление произвел на юную Наталью.

Ну девушка. И что?

Таких в базарный день на пятак – пучок. А потому он вернулся домой и улегся спать. И на завтра уже и не вспоминал об этой мелочи.

Наталье, конечно, досталось от Мэри Гамильтон за все хорошее, но сильно ее и не ругали.

Девушка ведь!

А тут – царь! Еще бы она не сомлела! Посчитали, что это от впечатлений – и на том успокоились. Беспокойны были двое.

Сама Наталья, которая горела, то смеялась, то рыдала, дрожала – и сама не заметила, как по уши влюбилась в царевича.

И ничего удивительного в этом не было.

У любой, даже самой сильной и властной, жестокой и решительной женщины есть в глубине души воспоминания. И заглянув в них, она тихо скажет – вот тут я могла сломаться. Вот на этом парне...

Наталья не стала исключением. Любовь вспыхнула ярко и живо, пожирая все доводы рассудка, как деревянные здания столицы. Нет сомнений: если бы ей дали время, она бы перегорела, передумала, успокоилась – и спустя десять лет, став женой какого-нибудь боярина, вспоминала бы этот день с усмешкой.

Но жизнь славится своими злыми шуточками.

На третий день Алексей Алексеевич уехал обратно в Дьяково.

На пятый – царь пришел в гости к Матвееву и завел разговор.

Сначала – ни о чем. Потом – о Наталье.

– А кто, боярин, та милая девушка, которая нам прошлый раз вино подавала?

– То Наташа, Кириллы Нарышкина дочь. Взял к себе да воспитываю помаленьку.

– Отчего ж ты, боярин? Я чай, и отец ее не беден?

– Да у него еще семеро мал мала меньше, жена от них и никуда, а что девочке в деревне делать? Ей жениха присматривать нужно, государь. Не век же ей вековать! И так уж шестнадцать было, когда забрал!

– Неужто такая красивая девушка – и не стоворена? Быть не может!

– Ох, государь, красивая она, это есть, да приданого у девочки нет, а без денег – сам знаешь.

– А любовь? Неужто никто не люб ей? Быть такого не может!

– Откуда бы, государь? Да и какое у девки соображение? Это мне надо партию искать, а ее дело принять, что скажут. Но девочка она разумная, добрая, хорошей женой кому-то станет.

– Кому-то... Знаешь, боярин, сватом у тебя выступить хочу.

– Государь?

– Есть у меня на примете человек один. Богатый, не старый, правда, вдовец, да и дети у него есть, зато добрый, он и Наташу твою любит.

– Ох, государь! Ежели есть у тебя такой на примете – век благодарен буду за девку...

– Есть. Да только согласится ли невеста?

– Ее дело...

– Ему нужно, чтобы и она любила.

– Поговорю я с ней, государь. Скажи мне только, о ком ты речь ведешь? Кто счастливек тот?

– Сам я жениться хочу, Артамон.

Выражение «дубиной по головушке огрели» сюда подходило как нельзя более.

Именно как дубиной, именно по головушке... Матвеев просто сидел и глазами хлопал минут пять. Зато потом не сплоховал.

Упал на колени, взвыл от радости и принялся царю руки целовать – чуть все камни в перстнях не обгрыз, а уж обслюнявил... С чувством лобызал, от всей широкой души!

Еще бы, такие перспективы!

Да боярин за них голым бы разделся, медом обмазался и на столб влез, а тут все просто так предлагают! Просто потому что Наташка царю приглянулась!

Но это у государя всякие доводы вроде люблю, ценю, жениться хочу, а у Артамона другие колесики прощелкивают.

Он окажется еще более приближен к трону.

Наталья ему благодарна будет.

Лет пять, а то и поболее, его власть будет не меньше царской.

А еще?

А если Наталья сына царю родит? Может так быть, что тот его наследником сделает? А Дума боярская утвердит?

Есть, конечно, Алексей Алексеевич, но для того государь вроде как Польшу приглядел, да и мутный он. А еще...

Кирпичи – они в любом времени падают одинаково качественно. Или там ворона нагадит со смертельным исходом. Или стрельцы взбунтуются... кого им Алексей Алексеевич

противопоставит? Писаришек своих?

Смешно!

Остальные царевицы? Царевны? Так это как подать! Можно и Милославских в измене обвинить, да и казнить скопом, а всех, кто от Машки Милославской рожден, в монастыри сослать! Ежели интриговать умеючи...

Но это потом, все потом, а пока...

– Государь, такая честь! Такое счастье!!!

Минут двадцать ушло только на заверения, расшаркивания, раскланивания и умиления. И только потом мужчины перешли к делу.

Алексей Михайлович готов был хоть завтра. Вот только траур по царице выждет, хотя бы с полгодика – и сразу честным пирком да за свадебку. А чего тянуть?

Не мальчик уже!

Хотя Матвеев и уверял, что Наташу это ничуть не смутит. У них вот, с женой разница и того больше – и счастливы! Дочка, сын... чего еще надо? Вот на слове «сын» мечты и грохнулись с размаху о жестокую реальность жизни, как разогнавшийся бегун о стеклянную стену.

В кровь и в осколки.

Поскольку подумали оба – о царевице Алексее Алексеевиче.

М-да...

А ведь не одобрит. И высказать все в лицо не постесняется.

Да не в том бы дело, как-никак он – сын, а Алексей Михайлович – отец, поругались да и помирились. Но ведь действительно...

Так-то все звучит прекрасно.

Полюбил, женился, вдовец...

А в реальности?

Любить тебе никто и не мешает, но жениться, когда на могиле царицы еще земля не осела – понятное дело, в переносном смысле, кто б дал царицу в землю закопать, в Соборе схоронили, – некрасиво. Неуважение.

А хочется.

Еще как хочется...

Пусть даже верный Артамошка и уверяет, что ежели девка так государю приглянулась, то ни за кого другого она таперича точно не пойдет, но ведь...

Хочется. А стыдно.

И оба собеседника это понимали, только не говорили. Но про себя Артамон Матвеев клял последними словами наглого мальчишку, из-за которого могла сорваться такая удача. Царь ведь...

А ежели перегорит?

Уж как касимовскую невесту любил, да забыл, утешился с Марией Милославской. Глядишь, и эту забудет, мало ли кто там еще подвернется?

Нет, это дело надо срочно проворачивать, но – как?!

Не уговаривать же царевицу? Матвеев отчетливо понимал, что нарвется на такую насмешку, что дальше некуда. И то спасибо, ежели насмешку...

А еще...

– Государь, уж коли ты решил, так не стоит об этом кому третьему знать. Отравят ведь девку! Или еще как попортят!

Вот тут Алексей Михайлович был полностью согласен. Могли и отравить, и что угодно, но любовь же! Так что ему предстояло сражение со своим семейством.

Матвеев же, проводив государя, заспешил к жене. Обрадовать.

* * *

Мэри была в диком восторге. Просто пицала и прыгала. Это ж такие перспективы!

Хоть и на дикой Руси, но тетка царицы – это много! Очень много! Это – власть! Ведь умная женщина всегда может так управлять мужем, что тот и не поймет, как повинуется ее словам. Тут нахмуриться, там рассмеяться, здесь в спальенку поманить – вот и готовы нужные решения.

А ей эти решения ой как были нужны...

Клан Гамильтонов был достаточно знаменитым и роднился даже со Стюартами. Но еще при Иване Грозном Томас Гамильтон, паршивая овечка, решил уехать на Русь. Обжился, устроился, Евдокия вот боярыней стала, но связей с родной землей не утратила. И отстаивала ее интересы.

Да и Артамон Сергеевич, в бытность свою в Англии, полюбил Туманный Альбион.

А теперь у них был шанс приблизиться к трону. Казалось бы, радоваться надо?

Радость опекунам подпортила Наталья.

Артамон Матвеев хотел обрадовать девушку, но эффект получился совершенно противоположным. Наталья побелела... и с плачем кинулась опекунам в ноги.

– Дядюшка! Тетушка! Не отдавайте! Последней служанкой стану, что пожелаете сделаю, у порога спать буду... не отдавайте!!!

И что тут было делать?

Артамон Матвеев только головой покачал – рехнулась девка от нечаянной радости. Евдокия же осталась рядом с девушкой, но толку было чуть. Вытащить из девчонки удалось не так и много – больше было слез, соплей и воплей.

Вот не люб ей царь, она другого любит, а этот – старый, противный и вообще – жуть!

Естественно, аргументами это признано не было. Наталья получила пару оплеух и хлебо-водную диету, пока не поумнеет – и осталась одна в своей комнате.

И задумалась.

Царь желает на ней жениться. А она-то любит его сына! Что можно предпринять в этой ситуации?

Можно броситься царю в ноги с мольбами. Поможет?

Вряд ли. Скорее наоборот, если царевича и простят – он-то ни сном, ни духом, – то ее, Наталью, или в монастырь запрут, или срочно замуж выдадут, да за такого человека, что собственный отец ангелом небесным покажется. И царевича она в жизни не увидит.

Значит, так действовать не стоит. А как?

Наталья была далеко не глупа, но все же мир ее был ограничен. И в том числе читала она и романы, где прекрасный юноша и юная девушка любят друг друга без памяти, только вот все против. Но они обязательно находят друг друга и женятся, а все их еще и благословляют. Господин де Мольер обеспечил подобными чувствительными историями не одно поколение мечтательных девиц, да и господин Шекспир расстарался. А то ж!

Одни его Ромео и Джульетта чего стоили! А в доме известного англофила Матвеева

Наталья могла ознакомиться со множеством книг.

Потому вывод был прост.

Надо сообщить царевичу о своих чувствах! А уж он, увидев ее еще раз или просто узнав... Ведь он помог ей, и даже ее руки коснулся – разве это не признак чувств?!

Наталье и в голову не приходило, что ее просто пожалели, как любую глупую девчонку – и только-то. Привыкнув к Софьиным девочкам, Алексей Алексеевич абсолютно спокойно общался с любой девицей, которая оказывалась рядом, не испытывая ни смущения, ни излишнего возбуждения. Уж последнего точно, после Фросиных усилий. Люди как люди, только с косой.

Но поди, убеди влюбленную девицу?

Наталья приняла решение переговорить с царевичем, а уж как это было сложно...

Что для этого надо сделать?

Для начала – смириться. Потом сообщить, что она все-таки была влюблена в кахетинского царевича, и настаивать на встрече с ним, чтобы объяснить свою жестокость, – не она это! Ее заставляют!

И не завтра ж ее замуж выдавать будут? Траур по царице самое малое год должен продолжаться!

А вот потом, когда ее чуть выпустят из поля зрения – тогда и ударить!

Передать записку царевичу, объясниться и сбежать с ним!

А потом все будет просто чудесно.

Они поженятся, бросятся в ноги царю, тот растрогается и обязательно простит их. А как же иначе?

Нет, если бы Наталья подумала здраво, она бы и сама поняла всю безнадежность своей затеи... Но слишком многое тут соединилось! Любовный угар! Ненавистное теперь замужество! Попытка давления со стороны Матвеевых.

И женщина, будучи сильной и решительной, начала сопротивляться. Да по-глупому. Но ведь и жизненного опыта у Натальи было не так много. Не тот возраст, не тот образ жизни.

Были расчетливость, решительность, ум, характер... но когда женщина влюбляется – все это попадает на службу к сердцу... а в данном органе мозг обнаружен не был. Глупое оно...

Так что план был разработан, и Наталья начала претворять его в жизнь.

Впрочем, для начала седмицу пришлось посидеть на хлебе и воде. Для убедительности.

В жизни б ее опекуны не поверили, что она так легко сдалась. Поняли бы, что она что-то задумала, – и вот тогда попалась бы Наташа, как птица в силки.

А так...

Наталья мужественно жевала черный хлеб, пила воду и надеялась, что голод ее красоты не попортит. Впрочем, царевич все равно уехал в свое Дьяково, так что планы предстояло осуществлять по его возвращении, а покамест узнавать подробнее. Где, что, как, куда он ходит, чем занимается...

Вряд ли судьба будет так любезна, что вновь приведет ее возлюбленного в ненавистный ему дом Матвеева.

* * *

Алексей же, уехав в свое обожаемое Дьяково, о Наталье и не вспоминал. Больше его

раздражало то, что отец повадился вызывать его в Москву чуть ли не каждую неделю, отрывая от важных дел. И ведь не откажешься! И не отболтаешься, и просто в болото отца не пошлешь!

Сыновняя непочтительность – штука такая, нехорошая, никогда не узнаешь, кто, как и когда ей воспользуется. А при том гадюшнике в Кремле, который называется Боярской думой...

Единственное, чего не мог понять Алексей, – это когда они думают.

Орут – да! Склочничают, заслугами считаются, ладно бы своими, а то еще и всех предков, родовитостью, богатствами... и?!

Польза-то где от этой говорильни?

Конечно, ежели внимательно слушать да примечать, можно выделить, кто с кем, кто кого поддержит, кто из кожи вылезет, чтобы противника утопить, но... сил нет все это слушать!

Хорошо хоть Софья, которой он все эти заседания пересказывал в лицах, потом все перетолковывала на свой лад. Но будь воля Алексея – разогнал бы он всех этих негодяев такой-то матери... А нельзя.

Пока никак нельзя.

Стрельцы ненадежны, у бояр свои полки есть, опять же иноземцы пес их знает кого поддержат – один Медный бунт вспомнить! Что-то тогда войско царю на помощь не помчалось, теряя по дороге лапти! Пока собрались да пока договорились – их шесть раз убить могли!

Ну ничего, погодите, умники боярские, на каждую хитрую морду найдется свой кирпич... Вы у меня научитесь с вечера сапоги чистить, а утром надевать на свежую голову. Что это значит, Алексей не знал, но Софья так часто приговаривала, со злостью глядя на какую-нибудь бумажку. И ведь помогало...

Так что царевич был готов каждому боярину свежевychищенные сапоги на макушку натянуть. Лично!

Вот езд, сиди рядом с отцом на этих заседаниях, еще и речи о его женитьбе заводят, невест потихоньку подсовывать начинают...

Сталина на них нету.

Кто это – Софья объяснять отказывалась, но пару раз упомянула, что данный человек правителем был и с казнокрадством и разгильдяйством боролся радикально – направляя таких товарищей или лес валить или к Богу на отчет.

Алексей одобрил. Так вот. И даже сам готов был на те же меры.

Отца Алексей любил, но отчетливо видел его одиночество. Тоску, неприкаянность, душевную неустроенность...

Да-да. Мечтал мужчина о друге, на которого можно было положиться в трудную минуту, а судьба такового не дала. То Морозов, то Никон, теперь вот Матвеев... а опереться не на кого, и чувствует это отец, и понимает, что вокруг трясина, и сделать ничего не может.

Жалко его до слез.

Как же Алексей был благодарен сестрице! Софья – была. Она была – у него. Она все понимала, ни за что не осуждала и помогала справиться с любыми трудностями. И если он слышал от нее: «Лешка, ты... герой!» – он даже не обижался. Может, и правда где-то косяк случился. Бывает ведь! Это ж не пустой лай! Это объяснение и помощь!

А еще у него были Ванька Морозов, на которого можно положиться, тетушки, опять же, Аввакум, Ордин-Нащокин со всем семейством, Морозовы – всем родом, была куча

выпускников царевичевой школы, которые за него в огонь и в воду, казаки, которые теперь кормились с его руки... царь-то им хлеб сеять не давал на Дону, чтобы не стали слишком самостоятельными. Да тут давай не давай – налетит крымская саранча, что не пожжет, то пограбит. Вот они и зависели от набегов. А Алексею-то деревни принадлежали. И зерно ему привозили. Да и не только зерно... И отправлялась большая его часть на Дон, в качестве оплаты труда казаков. Сами и охраняли – и горе тем разбойникам, которые налетали на казачий караван.

Алексей Михайлович это видел, но предпочитал оставлять заигрывания сына с казаками вне своего внимания. А куда их приспособить?

Они ведь тоже не дураки, на смерть не пойдут, а войны пока нет. Отдохнуть стране надо. Приставил их царевич к делу?

Вот и ладненько. Заодно – политика! – есть за что его взгреть, коли понадобится.

А с чего царь повадился таскать наследника в столицу?

Да подход к нему искал. Пытался – лучше поздно, чем никогда – понять, что выросло из сыночка. Вроде бы послушен, покорен, но так ожечь словом умеет, что лучше бы плетью вытянул. Матвеев, вон, сутки с красными ушами ходит, ежели на царевича наткнется. Ни на возраст сопляк не смотрит, ни на заслуги. Отца, правда, мальчишка чтит, но...

Приручать его надо. Приручать и ставить под свое крыло окончательно. А то и впрямь женить. Но действительно – лучше ведь на иноземной принцессе, а не на своей какой... тогда и отцовская свадьба легче пройдет?

Может и так быть.

Но развернуться в этом направлении Алексею Михайловичу не дали.

Заболел царевич Симеон.

В обед мальчик пожаловался, что животик болит, лекари сбежались, но никто ничего умного сказать так и не смог.

Болит, прикоснуться нельзя. Настойка опия боль утишает, но и только-то. А потом все опять возобновляется, мальчишка криком кричит. Царь молится, а сделать-то никто ничего и не может.

Будь Софья рядом – она бы сообщила народу об остром аппендиците. А заодно прибавила, что лечение бесполезно. Операция?

Ты ее еще проводи в этих условиях!

Впрочем, ее и так вызвали. Алексей, в первый же день, вместе с Ибрагимом. Зачем? Да потому, что лекции грека о ядах он слушал внимательно – и сейчас надеялся. Что это просто отравы, что малыша можно будет вылечить...

Господи, ну ведь только четыре года ребенку!

Всего четыре года!

Помилуй его!

Софья примчалась во дворец на третий день болезни, и осмотреть ребенка ей даже не дали. Всем и так было ясно, что царевич Симеон уже не жилец. Уже потом, расспросив о симптомах, Софья заподозрила острый аппендицит, перешедший в перитонит. Но потом.

Восемнадцатого июня замечательного четырехлетнего мальчишки Симеона, которого Софья про себя называла Семушкой и к которому начинала приглядываться, – не стало.

Спустя же пару дней царевна Софья стояла в церкви, смотрела на маленький гробик и грустила.

Ведь от такого никто не застрахован. Медицину надо развивать! Медицину! И одного

Глаубера, который на ладан дышит, мало для научной базы! Так что она уже поговорила с алхимиком, он уже написал многим своим знакомым в странах Европы, обещая проезд, проживание и достойную оплату их труда на Руси. Кто согласен – пусть отпишет, царевич ему письмо придет со своей печатью.

А сама Софья думала сейчас о другом.

У нас осталось три царевича. Алексей, Федор, Иван. Пять царевен, не считая ее самой. Евдокия, Марфа, Екатерина, Мария и Феодосия. Это хорошо.

Если воспитывать детей в нужном ключе – тут хватит и на престол, и на соседние, да и породниться с кем... Но надо и девчонок воспитывать в нужном духе, и мальчишек... Пусть Лешка намекнет отцу, что хорошо бы мелочь постепенно в царевичеву школу на обучение?

Федьку – так точно! Десять лет мальчишке скоро стукнет, а он все вялый да квельый, мамки-няньки с рук его не спускают, а вот воспитатели хвалят за светлую головушку. Надо, надо забрать с собой мальчишку.

Алексей согласился и решил переговорить с отцом спустя три дня после похорон. Но разговор пошел совсем не в ту сторону, в которую хотелось.

Нет, против отправки Федора под крыло старшего брата Алексей Михайлович ничего не имел! Пусть едет.

А вот по поводу достаточного количества наследников...

Алексей Михайлович отчетливо намекнул, что ему бы надо еще раз жениться, потому как все под богом ходят, а Алексей Алексеевич так ошалел, что даже и не подумал возразить. Царь же, видя, что его идея не встречает сопротивления, порадовался и решил, что сын его сможет понять.

Сын не смог.

И позднее, оставшись наедине с сестрой, ругался и плевался так, что от крика стены дрожали. Но – тут ведь главное знать, что у царя возникла такая идея. А вот объект...

Кто?!

Софья дала бы себе косу остричь, лишь бы узнать заранее – на кого повелся ее папаша! И... что делать-то с этой девицей, когда ее найдем?

А посмотреть пристальнее. Может, ее и можно потерпеть в качестве мачехи. Хотя лучше не надо!

Вот так и пожалеешь о французских нравах, где Людовики гребли под себя всех баб, а женились только на принцессах. Лучше б и папаша понравившуюся дамочку пригреб в фаворитки. Но... Это вечное «но».

Кто?!

Софья дала задание всем своим людям – выяснить, у кого из бояр бывал Алексей Михайлович и какие там есть молодые девушки. Но – время.

А с другой стороны, раньше чем через год батюшка и не дернется жениться, иначе позор! Клятый человеческий фактор! Засвербело! Знала бы – ртутные ванны бы прописала, чтобы настали для царя вечные стрелки на полшестого! Называется – убрали свинцовое отравление.

Тьфу!

Все разрешилось раньше, чем думала Софья.

В один прекрасный день – они пока еще пребывали в Кремле – Алексей вошел к ней и протянул записку. Маленький листочек был обильно полит духами, и в нем затейливой латинской вязью сообщалось, что подательница сего будет ждать государя царевича каждый день на заутрене в Казанском соборе. И жизнь и счастье ее зависит от того, придет ли царевич на встречу.

Софья задумалась.

Мало ли влюбленных баб по Руси?

Много. И все же Алексею стоило сходить. Много-то их много, но ни одна до сих пор на такое не решалась. Эта либо умнее, либо смелее, либо...

Одним словом – недостаточно информации для полноценного вывода.

С другой стороны – а если это покушение?

Думали долго, но в конце концов решили, что Алексею надобно пойти на встречу. Только не одному, а вместе с Ванечкой Морозовым. И кольчугу надеть. А еще – не давать к себе приближаться.

Так и порешили.

Алексей остался ночевать у боярыни Морозовой, а с утра направился вместе с верным другом в собор. Встал в углу и принялся разглядывать входящих.

И – увидел знакомое лицо.

Да-да, та самая девица, которая у Матвеева чуть поднос не опрокинула... как же ее звали?

Наталья, да...

Она тоже увидела царевича и так засияла, что храм могла бы освещать вместо свечек. Даже шагнула к нему, но потом передумала и пошла чуть вперед и левее. Алексей поклясться был готов, что во время службы она чуть сместится так, чтобы они смогли поговорить в одном из сумрачных храмовых углов.

– Я с тобой, – непреклонно заявил Иван Морозов.

– Я и не спорю, – Алексей кивнул другу.

Наталья усердно крестилась, но мысли ее были далеки от благочестия.

Действительно, не было бы счастья, да несчастье помогло. Ей бы Алексея Алексеевича не застать, но на похороны брата он остался – и удалось передать через верную служанку, которую еще из дома прихватила с собой, маленькую записочку.

А до того Наталья месяц вела себя ангелом небесным.

Неделю она поупрямилась, что было, то было. Потом со слезами сообщила Мэри, что любит своего Ираклия, просто жить без него не может. Матвеева взвилась и изругала Наташу по-всякому, говоря, что девка – дура, раз оценить своего счастья не может. Да царицей став, она не то что Ираклия – она кого хочешь получить сможет. А коли сына царю родит, там еще поглядеть надобно будет, кто на престол потом взойдет. Вон, Симеон преставился, так, может, и Алексей...

Чего стоило Наташе не вцепиться Мэри Гамильтон в бесстыжие глазоньки – знала только она сама. Но промолчала, поклявшись себе, что ежели она узнает – сама опекунов своих отравит и рука не дрогнет.

Ираклия вызвал к себе Матвеев и вежливо отказал мужчине от дома, сообщив, что царевич слишком вскружил голову его воспитаннице. Так что – извините, сударь, приятно было вас видеть, но еще приятнее будет вас не видеть. Примите уверения в совершеннейшем

моем благорасположении – и проваливайте. Царевич, конечно, был недоволен, но смирился. Нищим и изгнанникам гордыню проявлять не приходится, тем паче в чужой стране.

Наталья поплакала и согласилась на свидание с Алексеем Михайловичем.

Надо сказать, при второй встрече она хотя бы на Царя всея Руси посмотрела. И все равно не впечатлилась. Мужчина, росту среднего, полный, борода окладистая, глаза голубые... снять с него кафтан драгоценный – никто и не отличит от купчины московского.

А с другой стороны, говорил он ласково, Наталья отвечала разумно, беседовали о Москве, о пьесе, у Матвеева тогда представленной, о театре – Наталья и начала понемногу оттаивать. Вроде как и не такой уж Алексей Михайлович тиран? Ежели она с любимым сбежит – не осудят же ее за это!

Царь-то явно доволен остался, потому как на следующий день дядюшка навестил Наташу, подарил дорогие подвески с лалами и сказал, что судьба ее обязательно будет в следующем году устроена. Наталья же воспользовалась случаем и попросила, чтобы милейший и добрейший дядюшка Артамон разрешил ей ходить хоть к вечерне, хоть к заутрене куда-нибудь в храм. А то ведь ежели она царицей станет...

Не гулять ей тогда по Москве более.

Артамон Матвеев разрешать сначала не собирался, но Наташа начала худеть и дурнеть, а потому он приставил к ней охрану и соглядатаев – и разрешил.

За месяц охранникам это надоело хуже горькой редьки.

Приходит, молится, кланяется, свечки ставит, после службы еще задерживается – черничка, да и только. Ее б не замуж, а в монастырь.

О чем Матвееву и донесли. И постепенно, через месяц-полтора, он и перестал опасаться подвоха. По-прежнему Наталья ходила с охраной, но уже не с тремя служанками, а с одной. И та – доверенная. Так что переглянуться с Алексеем Алексеевичем и потихоньку скользнуть в сторонку, где народу было поменьше, Наталье было несложно.

А вот с чего разговор начать – она и не знала. Начал Алексей.

– Я помню вас. Вы – воспитанница боярина Матвеева.

– Да. Я написала вам письмо.

Голос у Натальи был приятным. Густым, звучным, завораживающим – и она отлично об этом знала. И пользовалась. Только вот царевич смотрел по-прежнему настороженно.

– И что вы хотите мне поведать, красавица?

Много ли надо влюбленной девушке?

– Дядюшка решил выдать меня замуж за государя...

Алексей едва рот шире ворот не распахнул, хорошо вовремя спохватился.

– Артамон Матвеев. Решил выдать вас замуж. За моего отца.

Наталья кивнула. Алексей принялся рассуждать дальше, хоть голова у него кругом и шла. Но выручала привычка к логическому мышлению.

– Вам это неприятно. Вы хотите замуж за другого, иначе с радостью согласились бы. Так?

Опять кивок.

– Чем я могу помочь вам?

– В своем положении я не могу сопротивляться дядюшке. Он властен в моей судьбе.

– Вы хотите, чтобы свадьба расстроилась.

– И меня с моим избранником связал священный Гименей.

Алексей задумался.

– Наталья, я не смогу дать вам ответ сразу. Это все слишком неожиданно. Но хочу заверить вас в своем искреннем расположении.

Наталья улыбнулась. Действительно, если бы царевич согласился на ее слова – она бы в нем разочаровалась. Ему же надо обдумать, узнать, навести справки...

– Государь, как я смогу увидаться с вами вновь?

– Вы часто ходите в этот храм, Наташа?

– Д-да...

– Я постараюсь прийти сюда. Либо я, либо... посмотрите на моего друга. Он может прийти сюда – и вы можете передать ему все, что хотите сказать мне. Я верю Ивану как самому себе.

Наталья чуть опустила ресницы, бросила взгляд на царевича...

Алексей смотрел спокойно и серьезно, а у бедной девушки сердце заходило от радости.

Он здесь! Он рядом!

Но не бросаться же ему на шею!

И бросилась бы, и повисла, если была бы надежда, но пока ее нет – блюсти себя надобно. Честь девичья дороже золота! А значит – приближаться постепенно надо.

Вот что было непривычно Наташе. Самой на мужчину охотиться. Раньше-то ее внимания добивались, а Алексей Алексеевич смотрит спокойно, серьезно...

Когда-нибудь он станет великим государем. Но дядюшке лучше об этом не знать.

Отравят. И возможно – вместе с ней.

Слишком сильна Русь, чтобы на ее престоле еще и сильный государь воцарился.

* * *

Софья в ответ на такие новости зашипела гадюкой.

Информацию требовалось проверить, а Алексея – расспросить.

– А что ты скажешь об этой Наталье?

– Может, она и не лгала. Она неглупа.

– Но почему тогда отказывается? Любовь? Только к кому?

Для Софьи любовь была *terra incognita*, земля неизведанная. Теоретически она могла понять, что это и для чего надобно, а практически – идеальный инструмент для шантажа и нервотрепки эта ваша любовь! Но в то же время... Какова вероятность того, что Матвеев не лжет?

Кто может знать о происходящем в доме?

Слуги, и только они!

Вот так и получилось, что Филимон, молодой слуга боярина Матвеева, которого Мэри Гамильтон упорно называла Филиппом, случайно столкнулся на улице с прелестной девушкой.

Более того, столкнулся он так неудачно, что та упала, ногу подвернула, корзинку выронила и даже расплакалась. И что должен был сделать в этой ситуации настоящий мужчина?

Разумеется, довести бедняжку до дома!

А по дороге и чуток посплетничать! Ну кто ж откажется, особенно ежели девушка

вздыхает, слезки утирает, глазками в мужчину постреливает и вообще намекает, что не прочь продолжить знакомство?

Жила девушка в доме боярыни Морозовой, работала там служанкой и говорила много и охотно. И о том, какая боярыня благочестивая, и какая она разумница, и как у них часто царевич бывает. Ну и как тут не прихвастнуть?

Как тут было не похвастаться красавице, что у них-де сам царь бывает! Да часто так! Да подолгу с боярином беседует!

И даже ходят слухи, только тс-с-с... Говорят, что царь-то на Наташку Нарышкину, матвеевскую воспитанницу, глаз положил! Хотя там и глянуть не на что!

Чернява, лупоглаза, а характером – гадина! Вот как есть – змеюка чешуйчатая! Вечно всем недовольна, вечно перед хозяевами заискивает, а перед теми, кто ниже ее, царицей ходит. Хотя вот как есть – приживалка деревенская. Из милости взятая.

Ой да что там говорить!

Девку дворовую по щекам отхлестала только за то, что та с ведром упала, да чуток воды на Наташкино платье попало. Кто-то и не заметил бы, а эта – всюду лезет!

Другой раз лакею досталось, что дверь не притворил да поклон неправильно отвесил.

Третий...

Девушка слушала, ахала, охала, поддакивала – и Филимон сам не заметил, как выболтал ей все подряд. Он и не знал, что вечером та же девушка будет стоять перед царевной Софьей, а девочка будет задумчиво крутить в руках карандаш, слушая пересказ сплетен из дома Матвеевых.

– Так, Татьяна, придется тебе еще у Феодосии пожить. Филимон, говоришь, глазами ел?

– Царевна, да ежели прикажу – он у меня с руки есть будет.

– Вот и ладненько. Иди и работай над этим вопросом.

Крупницы информации сыпались от слуг, от Ордина-Нащокина, даже от Морозовых, и все яснее складывался портрет умной и хищной девицы, которая ничем не побрезгует ради своей цели. Собственно, даже влюбленность в Алексея отлично сюда вписывалась.

Наталья считает себя привлекательной, да она наверняка такая и есть. Царь уже у нее в кармане, но – между нами, девочками, сколько там ему осталось?

Год?

Десять лет?

А что потом ждет Наталью?

Тот же монастырь. Однозначно. Вдовы царицы у нас туда и определяются. А ведь ей не хочется. После царского-то престола в монастыре куда как солоней покажется. Это если б она из деревни своей убогой туда ушла – тогда да. Что там репу жевать, что здесь киселем запивать. А после царских палат неудобно там, ой неудобно.

Зато Алексей молодой, холостой, симпатичный, да и править должен следующим. И народ его любит, и отзываются о нем уважительно – ну и? Почему бы не побороться за ценный приз?

Софья скрипнула зубами, сожалея, что не может сама поговорить с Натальей – уж она бы разобралась, что это за птица. А впрочем... почему не может?!

Это она не может пойти к Наталье!

Но кто сказал, что Наталья не может прийти к царевне!

Надо только как-нибудь так это обставить...

И для начала Алексей при отце похвалил матвеевскую постановку. Алексей Михайлович,

которому все похвалы Матвееву – а значит, и его Наташеньке – были медом по сердцу, разулыбался – и тут встряла Софья.

И принялась на пару с подученной Марфой жалеть, что им-де ничего и никогда такого не покажут. Алексей принялся утешать сестренку – и умоляюще посмотрел на отца.

– Тятенька, нельзя ли Матвеева попросить – пусть его люди один вечер для сестренки сыграют?

Надо ли говорить, что идея нашла у царя горячий отклик?

Еще более горячий отклик она нашла у Натальи, которую предупредил Иван Морозов. Мол, царевна отца упросила, хочет с тобой повидаться, так что ты, девка, ничему не удивляйся...

Какая она – царевна, с которой царевич не расстанется?

Умная. Так что вы наверняка друг дружку поймете.

Наталья не сомневалась в своей способности обвести кого угодно. И после получения приглашения успокаивала дядюшку.

Да что там может быть такого?

Ну захотелось царевнам представление поглядеть! Да разве плохо? Пусть и ко мне приглядятся. Да пока никто ни о чем и не знает – неоткуда. Но и мне присмотреться надо. Ведь кто-то из детей меня точно в штыки примет!

С этим Матвеев был полностью согласен. И все же чувствовал опасность, ощущал ее всем телом, но откуда?

Откуда?!

Ответа не было.

* * *

Сама пьеса Софью не заинтересовала совершенно. Что словесные кружева Симеона Полоцкого, похожие на геометрически подстриженный парк – красиво, правильно, безжизненно, что сюжет – оставьте еврейские народные сказки евреям. Важно другое. Царевны должны были прятаться за специальной ширмой, чтобы не увидел их никто посторонний – они там и прятались. И что, если за ширмой оказалось на одну царевну меньше? Остальные-то визжали от восторга и внимания не обратили. А если что – Марфа скажет, что у сестренки животик прихватило. Бывает...

А Софья в это время изучающе глядела на Наталью.

С ее точки зрения – так себе. Девушка, конечно, неплоха, высокая, статная, полноватая, но сейчас это модно, глаза навывкате – щитовидка? – черные, умные. Волосы гладкие черные. Мелкие белые зубки, румяные щеки, но смотрит как на ребенка. Ну да чего и ждать от девчонки.

– Ты и есть Наталья, которую за моего отца Матвеев прочит, – первой начала беседу Софья. Раскрыться она не боялась, наоборот. Ей надо было за небольшое – минут пятнадцать – время сломать защиту Натальи и понять, что внутри. А как?

А только пробить ее, чтобы наружу все тайное полезло. Иначе никак...

– Я, государыня.

– Так почему бы и не выйти? Богат, стар, на руках тебя носить будет.

Наталья сверкнула глазами, но ответила пока еще кротко.

– Не люб он мне, государыня.

– Так ведь тебе и другой никто не люб. Ни царевич Ираклий, ни сын боярский, ни купец... сватались к тебе уже, не проще ли в монастырь, да не морочить людям голову?

Наталья вспыхнула красными пятнами. Софья усмехнулась.

– По моей просьбе все о тебе разузнали. Бегала ты в деревне, сопли подолом вытирала, ни дать ни взять девка-лапотница. Но Матвеева ты не упустила. За кого б ты замуж ни вышла – все одно боярину верна будешь, благодарить весь век, что из нищеты тебя вытащил. А мужа в спину бить станешь?

– Не стану.

– Знаю я, что не люб тебе никто, а ежели мужа немилого обвести – это и не предательство вовсе, так ведь ты рассуждаешь?

– Плохо вы обо мне думаете, государыня!

– Я пока о тебе вообще не думала. Мой отец заблуждается – его и беда. Мне ты ничего сделать не сможешь. Поцарствуешь десять лет, да и в монастырь.

– Государыня!

– Неуж не знаешь, как у нас вдовы царицы заканчивают? У тятеньки моего сыновей хватает, все не перемрут, так что власти тебе не видать. Да и эти десять лет... Думаешь, легко царицей быть? Это кубло змеиное мать мою в могилу свело, оно и тебя зажалит. Мамки, тетki, боярыни, сударыни... Сама в монастырь сбежишь. Еще и умолять будешь, чтобы отпустили.

Наталья давно бы сбежала, но двери были снаружи заперты, и ждал там Ванечка Морозов, проводивший девушку к Софье. Оставалось только огрызаться, потому что девчонка за столом была серьезным противником. Она говорила чудовищные вещи и пристально смотрела на Наталью, ожидая реакции. И что ужаснее всего – ведь не лгала. Могло так и случиться, что по ее слову сбудется. И тогда – только в петлю.

Что может быть хуже для женщины, чем любить одного, а попасть в руки к нелюбимому?

– Матвеев зря боится, за моего отца тебе никто бы замуж выйти не препятствовал. Поменялись бы Милославские на Нарышкиных – только и дела.

– Матушка ваша была из Милославских...

Софья фыркнула. Тема была болезненной: род Милославских уже начинал искать подходы к ней и к Алексею на предмет материальной выгоды – по рукам бить не успевали.

– Это сейчас не важно. Важно другое. Алексей на тебе жениться не может.

– Почему?!

– Потому что ты – никто. Просто ничтожество с большими титками, которые были удачно выставлены под носом у моего отца.

И вот теперь Софья действительно пробила броню женщины.

– Да как ты смеешь!

– Не нашлось бы тебя – Матвеев бы любую другую девку подобрал.

– Да я... да ты!!!

Какое там уважение! Наталья задохнулась от гнева – и боли. А Софья продолжала наносить удары – жестко, безжалостно, расчетливо.

– Брак с тобой – пустышка. Мой отец уже совершил эту ошибку, поэтому может ее и повторить. Брат так поступать не должен. Принцесса датская, или французская, возможно, мы поищем в Италии или Испании – но не ты. И никто другой из местных девок.

Наталья в гневе сделала шаг. Теперь они с Софьей были совсем рядом.

– А вот это не тебе решать!

– А что? Будешь добиваться своего?

Софья не боялась – и это бесило. На губах девочки играла насмешливая улыбочка – и Наталья, протянув руку, схватила ее за запястье, мечтая раздавить наглую соплячку, которая посмела...

Она посмела...

– Я! Алексея! Люблю! Ты... дрянь малолетняя!!!

– И тебе плевать, что своим замужеством ты ему перекроешь многие ходы?

– Я его сделаю счастливым!

Наталья и не задумалась.

– Ага, – Софья словно не чувствовала впившихся в руку пальцев. Хотя синяки останутся... ну да ладно. Не умеет эта девица кости ломать. Или как в гареме – уязвимые места находить. Там-то это искусство, а здесь... – Значит, Лешка в тебя влюбляется, вы сбегаете – и он навлекает на себя гнев отца.

– Погневаается – да простит! В ноги кинемся...

– А если не дадут? Прочь погонят!

И вот тут Наталья заколебалась. Но потом...

– Алексей законный наследник. Да и в Польше его коронуют...

– А потом?! Огневаается отец, Федьку наследником назначит – войной на свою страну пойдете?

Софья нарочно подпускала в голос истеричные нотки. Давно известно, что истерика штука заразная, но Соня, еще в бытность свою в двадцатом веке, заметила одну особенность. Пронзительные крики что-то отключают в мозгу у человека, даже если орет не он, а на него. Становится сложнее критически воспринимать действительность, человек начинает дергаться... почему так?

Черт его знает! Она не читатель, она писатель!

– Не понадобится воевать! Все хорошо будет! Поддержат нас – наверняка!

Да уж кто бы спорил. И вас поддержат, и Федора направят, найдется кому подгадить...

Софья пристально смотрела на девицу.

И – последний удар. Уже нарочито спокойно и насмешливо.

– А ведь ты себе врешь, девка. Не будь Алексей царевичем – ты бы в его сторону второй раз и не взглянула.

– Гадина ядовитая!

Наталья отскочила как ошпаренная.

Софья пожала плечами.

– Гадина. Только ты учти – я правду сказала. Жениться на тебе Алешка может, да вот что ты дашь-то ему?

Наталья задумалась. А ведь и верно. Что?

Три огурца да пять поросят? И родственников полчище?

– Мой род древний...

– Да и что с того? И древнее есть.

– Да только не Романовы.

– Зато корона на отцовской голове, а не на чужой, – Софья усмехнулась. – Нас скоро хватятся. Иди, подумай над моими словами. Ежели чего хорошего надумаешь – через Алексея

передашь.

– Ч... что?!

Если бы под ногами Натальи разверзлась пропасть – она и то не была бы так удивлена. Софья усмехнулась.

– Ему тот храм понравился. Так что... молитесь. И не серчай. Ты себя старалась с лучшей стороны показать, а мне хотелось со всех посмотреть. Ваня!

Дверь распахнулась.

– Ванечка, ты не проводишь девушку?

Иван Морозов кивнул и сделал Наталье приглашающий взмах рукой. Та развернулась – и кораблем поплыла по коридору, кипя от возмущения. Но надолго ее не хватило.

– Ну и...! Господи, прости меня, грешную!

– Довела? – Иван чуть улыбнулся. – Она это умеет.

Наталья развернулась, поглядела возмущенно.

– И все это терпят! Да ее в монастырь надо! Как ведьму! На хлеб и воду!

Синие глаза холодно сверкнули, но парень промолчал. Развернулся, пошел по коридору. Наталья последовала за ним, вся кипя от ярости. Она все еще была в бешенстве, когда за ней пришел Матвеев – и эта злость сделала ее особенно хорошенькой. Окрасила румянцем щеки, заставила сверкать глаза, сделала голос особенно звонким.

Царь был очарован.

А Наталья все искала глазами царевича, но он так и не появился.

* * *

Оно и неудивительно. Троица сидела там же, где получасом раньше Софья беседовала с Натальей. Парни слушали отчет девочки, которая задумчиво вертела в пальцах гусиное перо.

– Девка умная. Очень. Но и очень горячая. Для нее края нет – или любовь, или ненависть. Сейчас она тебя любит, сделает все, чтобы ты на ней женился. А вот что будет потом... она на тебя обязательно начнет давить.

– Именно давить? – Иван Морозов смотрел спокойно.

Софья чуть поморщилась, потеряла запястье.

– Больно?

Синяки уже видели оба. И Алексея едва удержали – Софья просто дверь собой загородила, чтобы тот не вылетел и не помчался отрывать Наталье голову.

– Неприятно, но жить буду. Лешка, я не знаю, честно тебе скажу. Она сильная, серьезная, но...

– Но?

Софья помолчала, вспоминая свои впечатления от Натальи...

Все бы в ней хорошо, кроме одного. Она не командный человек. Софья готова была работать в команде, а Наталья – только командовать. Она не потерпит, если будет второй или третьей, она хочет быть и первой и единственной. И рано или поздно на Алешку начнется давление, она будет отрывать его от друзей, постарается оттеснить их... Но она-то не знает, куда идти!

Она не знает, к чему может привести ее руководство!

И объяснить ей это не получится.

Сломать ее?

Можно.

Но зачем она нужна – сломанная? И так бесхребетных девиц хватает!

Зачем тогда тратить время, силы, нервы... проще сразу отсечь ее от Алексея. Хотя это уже и произошло. Рукоприкладство по отношению к маленькой сестренке, любимой Сонюшке, Алексей никому не простит. Даже если она сама виновата.

– Для нее многое значат ее желания. И она захочет не только царствовать, но и править. В семье, в государстве, в твоём разуме – соперниц и соперников она не потерпит.

– То есть – вас с Иваном.

– Где-то так. Но жаль. Ужасно жаль. Она могла бы горы с нами свернуть.

– Но скорее увлечется сворачиванием вам шей? – Алексей смотрел серьезно. Привык он к таким разговорам еще с детства. И привык, что сестра ему лгать не станет, даже ради своей выгоды.

Софья пожала плечами.

– Я вывела ее из себя, но второй раз она этого уже не допустит. Будет готова. Леша, я не знаю, насколько верно мое суждение, но Наталья... она во многом – тиран.

– И Матвеев – тоже.

– И давить он на нас будет.

– Одним словом, – Иван решил подвести черту, – Алеша, если хочешь вечных сражений дома – женись.

Сражений не хотелось. Да и любви особой не было, так что Алексей фыркнул.

– Нет уж. Мы лучше с Европой породнимся. А эта – пусть ее...

– Пусть станет нашей мачехой?

Алексей замотал головой.

– Соня! С ума сошла?!

Царевна фыркнула, показывая свое отношение.

– Понимаешь, Алеша, она готова была с тобой сбежать. И войной на свою родину пойти – ее бы это не остановило. Так или иначе, ее бы не остановили ни потоки крови, ни беды Руси-матушки. Но это сейчас все ради тебя. А потом, когда страсть утихнет? Ты учти – к отцу у нее страсти нет, им она с самого начала управлять сможет. И на тебя его натравить, и поссорить вас, и наследником Федора сделать...

– И захочет. Страшнее отвергнутой женщины... м-да. Отравить ее, что ли?

Софья пожала плечами, глядя на брата.

– С одной стороны, нет человека, нет и проблемы. Это несложно. С другой – Матвеев начнет искать виновного. И отец тоже. И могут ведь доискаться. Кто-то что-то увидит... Нет, Алеша. Тебе в немилость попадать никак нельзя.

– Так что? «Матушкой» обзаводиться?

– Также нет... Леша, ты сможешь потянуть время?

– Смогу.

– Вот и смоги. Сходи, извинись за меня...

– Соня!

– Скажи, что я от любви к тебе голову теряю, вот меня и сорвало. Ну, навешай девушке лапшу на уши! Ты же можешь!

– А тем временем...?

– Информация – наше все. Надо сделать так, чтобы отец не просто не женился – чтобы

ему и ни на ком другом жениться не захотелось бы.

– У тебя есть чудотворная икона, и ты ей будешь молиться?

Софья фыркнула на Ванечку, который решил поехидствовать не ко времени.

– О нет. Я что-нибудь придумаю. Все равно, ранее, чем через полгода, батюшка жениться никак не изволит. Так что, Алеша, – на тебя вся надежда. Нужно, чтобы она оставалась в тебя влюблена, но пока никуда не сбегала. И отца не отшивала резко. Сможешь?

– Я все смогу. Сонь, ты точно что-нибудь придумаешь?

Софья крепко обняла брата – и Алексей на миг приник к ее плечу. Смешно сказать – иногда он ее воспринимал не как сестру, нет. Как матушку, которой и не знал толком.

– Алешенька, братик мой родной, все для тебя сделаю, чтобы ты счастлив был...

– Сонюшка...

Софья думала, что судьба – дико ироничная штука. Переместиться в тело ребенка, чтобы воспитывать своего брата, как не воспитывала сына...

Алексей попрощался и исчез за дверью. Ваня Морозов ненадолго задержался. Вспыхнула теплая улыбка.

– Завидую я Алешке. Мне бы такую сестру.

Софья крепко обняла друга за шею. Не положено?

Плевать! Никто не видит – и не донесет. А тепло человеческое – оно любому нужно, будь ты хоть царь, хоть нищий.

– Ванечка, я и так у тебя есть. И я, и Алеша – ты только позови. И есть, и будем...

На миг девочку стиснули крепко-крепко, а потом Ваня выпустил ее, взял за руку.

– Убил бы эту дрянь лупоглазую.

Теплые губы коснулись синяков на запястье прямо через шитый золотом рукав – и юноша ушел вслед за другом. Софья хлопнула глазами и постановила себе – заняться приятелем. Еще не хватало, чтобы он зверем на Наталью смотрел, а та заметила раньше времени.

Нет, все хорошо в свой момент.

Итак, как же мы можем заставить царя отказаться от брака и заодно разбить ему сердце? Вариант должен быть идеальным – второй попытки не будет.

Жалко ли Софье было отца?

Честно говоря – не очень. Это не жизнь, не здоровье, не власть – это просто операция по извлечению межреберного беса. Кому-то и похуже приходилось.

Мысль о том, что на старости лет Алексей Михайлович заслужил капельку счастья, Софье тоже в голову не приходила. Ну заслужил. И что?

Теперь всю страну похоронить из-за его влюбленности?

Перебьется.

* * *

Следующий месяц все шло как по нотам.

Алексей Михайлович еще пару раз встретился с Натальей – и все больше очаровывался умной и скромной девушкой.

Алексей Алексеевич также встретился пару раз с Натальей. Но вот очароваться у него не получалось. Он оценил по достоинству и ум, и целеустремленность, но вот получить это

сочетание в качестве жены – увольте.

Жена должна быть тылом, а не генералом, определенно.

Софья собирала сведения – и выяснила, что Матвеев отказал от дома царевичу Кахети – Ираклию. Мол, нечего на его воспитанницу пялиться бесстыже. Хотя по уверениям Филимона – там еще кто на кого пялился. Ну не любили, не любили Наталью Нарышкину.

Софья решила собрать сведения и об Ираклии – и полученное весьма ее порадовало. Но пока рано было форсировать события, требовалось время.

И время шло.

Переехал в Дьяково царевич Федор – и тут же попал под крылышко царевны Анны, у которой вовсю проснулся материнский инстинкт. Своих они больше с Воином не заводили, ограничившись тремя детьми, воспитывать малышей Анна сама не могла, Софья с Алексеем были почти взрослыми, а вот Феденька...

И то сказать, хоть и болезненный, ребенок отличался живым умом и любознательностью. И сильно прикипел к... Исааку Ньютону!

Да, когда Софья услышала от Глаубера эти имя и фамилию – она своим ушам не поверила. Но тем не менее уточнила – и пришла в восторг. Да, Ньютон. Похоже – тот самый. И что особенно приятно – неуживчивый и не слишком богатый. Раздумья были кратки – в Англию полетело письмо с предложением крупной суммы и всяческих радостей, ежели почтенный сэр согласится переехать на Русь и жить при царевичевой школе. А также предложены любые материалы и финансирование любых исследований. На сколько фантазии хватит.

Конечно, сначала Исаак не поверил. Но после переписки с Глаубером – а научный мир штука тесная, все локтями толкаются, и больно – все-таки решился попробовать. Сильно он ничего не терял, по Англии гуляла Великая Чума, в Тринити-колледже к нему относились как к серой посредственности – ну и кто ж выдержит? И в конце зимы 1669-го года сэр Исаак вступил на православную землю в Архангельске, с багажом из трех сундуков и одной собаки.

Надо сказать, его не обманули ни в чем. Первое, что сделал представитель царевича, – это вручил Исааку деньги на обратную дорогу, ежели тот пожелает, а также деньги на проезд, прокорм и прочее. А потом нанял возки и дал в сопровождение трех усердных и смысленных слуг. Так и получилось, что в конце весны Исаак Ньютон предстал пред царевичем Алексеем, а тот мгновенно препоручил ученого заботам тетюшек – и опять сбежал в Москву.

Тетушки же, с подачи Софьи, поселили двоих ученых рядом и заказали Ордину-Нащокину все по списку. Ньютон, впервые в жизни получив в свое распоряжение целую лабораторию, да еще и учеников, которые, в отличие от нагловатых студентов, смотрели ему в рот и воспринимали все его слова как высшую мудрость даже чуть растерялся. Но потом принялся заниматься любимой наукой, вовлекая мальчишек в свои опыты и заражая энтузиазмом.

С царевичем он познакомился совершенно случайно. Все-таки, как царский сын, Федор пока обучался отдельно – нельзя ж, чтобы он оказался хуже какого-нибудь плотника?

Ньютон как раз отдыхал в саду под цветущим деревом, Федор гулял там же – и неудивительно, что они встретились. А там...

Слово за слово, разговор, хоть и велся по-латыни, оказался интересен обоим – и на следующий день мужчина и мальчик опять разговорились. Софья, узнав об этом, пожалала плечами и приказала не мешать. Да и что плохого в том, что мальчику интересна наука?

Ежели, даст бог, с Алексеем все в порядке будет, то царствовать Федору не доведется. Стало быть, надо чем-то его занять, а чем?

В церковь?

Ну вот не срослось уже у мальчишки. В этом умоленном гадюшнике разбираться – тоже талант нужен. А вот в ученые – дело хорошее...

Саму Софью намного больше занимала Нарышкина.

Царь влюблялся все больше – и пару раз в кругу семьи уже заводил разговор, что он мужчина еще молодой, а счастья каждому хочется. Алексей, которому уже основательно настучали по лбу и Софья и Иван, поддакивал отцу и даже как-то раз пошутил, что ежели батюшка сам женится, стало быть, ему невесту можно и не искать? Царь явно таял – ведь ему не придется преодолевать противодействие семьи!

Может, Марию он до конца и не любил, но с детьми-то привязанность так легко не разорвешь! Тем более – Алексей. Старшенький. Наследник!

Радость и гордость!

Царю и в голову не приходила мысль о предательстве Натальи. А сама Наталья...

Угар начинал проходить, но прекращать игру девушка и не думала. Царевич выглядел куда как более завидной добычей. Достаточно мягкий, чтобы им крутила сестра, а значит, и она сможет. И моложе, симпатичнее... определенно, им надо было заняться! Только вот бежать и венчаться он отказывался. Говорил, что обязательно должен получить отцовское благословение, так что пусть уж Наташенька старается в царских глазах не упасть, а он-де свой случай не упустит. Наталья и рада была стараться. Откажется царевич – остается царь. А тот выглядел вполне очарованным.

Так прошло лето.

И в школу приехал дорогой гость – удалой казак Степан Разин. Софья ему обрадовалась как родному. Были вещи, для которых годился только он. Но обрадовалась ему не только Софья – девочка подметила, как загорелись глаза у тетки Татьяны.

И еще бы им не загореться!

Степан – казак в самом расцвете сил, старше ее лет на пять, да и царевне тридцать три года – хоть и не девочка, а все же...

Софья-то воспринимала ее не как старуху, коей она считалась в это время, нет! У нее в голове были живы мерки двадцать первого века – вот она и видела вполне себе интересную женщину. Неглупую, яркую, обаятельную, привлекательную, пусть со своими тараканами – но кто из художников или поэтов ими не наделен?

Казака радушно встретил Алексей и принялся расспрашивать о житье-бытье. Надо сказать, был он весьма доволен.

В чем проблема была на Урале?

Да, башкиры, татары и прочие «друзья» шалили – и с крестьянами у них все шалости удавались. Налететь, пограбить, порезать, пожечь...

С казаками такие номера не проходили. Они и сами горазды были в набеги ходить – и коса нашла на камень! Да как!

Со всего размаху, жалобно лязгнув и потребовав кузнеца.

За один налет казаки устраивали пять! Причем не особо разбирались, кто там, из каких деревень – они просто налетали, уводили взамен одной коровы – пять, взамен одной спаленной хижины поджигали десяток, а взамен одного убитого – клали каждого пятого мужчину в деревне.

И храбрые ранее налетчики взвыли.

А куда кинешься? Кому пожаловаться?

Китайцы?

Так далеко. Прежде чем они Стеньку уговорят, тот еще невесть сколько деревень переморит.

В ноги царю броситься? Так, простите, это Иван Грозный татарам волю давал, а вот Романовы то тут, то там землю отгрызали для своих нужд...

Бунтовать?

Это тоже в один миг не делается.

Так что выход был только один – отговаривать излишне буйную молодежь от набегов. Тем более что пойманных разбойников – а ловили их достаточно часто – казаки вообще оказались весьма мобильны, – просто вешали за ноги на деревьях. Или разрывали лошадьми.

Милосердие?

Пусть скажет это слово тот, кто хоть раз рыдал на пепелище, оставшемся от родного дома, и думал, где искать уведённых разбойниками родных – в земле али на рабских рынках? Только он имеет право на милосердие. А остальным лучше промолчать.

У них не вырезали семьи. Их дети не умирали от голода и холода.

Так что – и письмо от Строганова это подтверждало – на Урале стало достаточно тихо.

Впрочем, Алексей Алексеевич не считал действия казаков несправедливыми. Между прочим, его отец, на минутку, царь Казанский, Астраханский, Сибирский – и где?! Или гладко было на бумаге? А как до дела дошло – так начались радости? Кому царь, кому дворняжка? В Москве лает, а у нас и ветер не носит?

Вот уж что Алексею Алексеевичу было не нужно – так это излишняя автономия. А то воевод назначаешь – и те сидят на местах, чихнуть боятся.

Нет уж.

Порядок должен быть.

А то, простите, воевать Польшу лезем, а на своей земле разгрести не можем?

Одним словом, Степан занимался тем, что ему нравилось. Сам себе начальник, гоняет разные банды, никто на него за это не исполчается, о родном селе также можно не беспокоиться. Не жизнь – малина.

Впрочем, у Алексея Алексеевича было и еще о чем поговорить с казаком. И в частности:

– Это что, государь?

– А ты испробуй?

– Вроде пищаль. Только тяжелая, да и сделана непривычно.

– А вот снаряды к ней...

Действительно, казнозарядные пищали с подачи Софьи изготавливать начали. Только два кузнеца в Дьяково, только для Алексея Алексеевича и в строжайшей тайне.

Обходилось это пока безумно дорого – до десяти рублей за пищаль, но Софья считала, что овчинка стоит выделки. Пусть дороже! Пока – пусть!

Еще бы вспомнить, как нарезное оружие сделать, так и вообще чудесно будет! Но идею она знала, а остальное – пусть пока хоть вручную пилят, потом разберемся! На хорошее дело денег не жалко!

Зато такая пищаль была дальше, точнее, была удобнее в зарядке и транспортировке.

Степан ее во дворе пристрелял, плечами пожал – мол, игрушка. Пока ты с такой радостью, кто-то на тебя с луком.

А с другой стороны – пищаль-от не одна. Да и луки у татар не самые сильные.

Просит царевич взять десяток пищалей на испытание? Просит пристрелять да рассказать, что и как?

Со всей нашей дорогой душой!

А еще что?

А еще есть для казака одно поручение, но ежели государь о том узнает – не сносить головы будет и царевичу, и Степану.

Это мужчину не напугало. Двум смертям не бывать, да одной не миновать. Им и за Долгорукова было б головы не сносить, но сошло ведь?

Глядишь, и в этот раз гроза мимо пройдет?

А что случилось-то?

Алексей потер переносицу и изложил проблему. Звучала она так.

Царь-государь после смерти жены загрустил да затосковал. Тут боярин Матвеев ему под бок девку гладкую и подсунул. И не то бы беда, что девка матвеевская, а то беда, что царь жениться надумал. А вот это всем без надобности.

– Убить, государь?

Алексей Алексеевич покачал головой.

– Что ты, Степан. К чему нам душегубство?

– Тогда что делать надобно, государь царевич?

– Девка эта до того, как перед царем хвостом вертеть, царевичу Кахетинскому куры строила. Вот и сладить бы их счастье?

– Что делать прикажешь, государь?

* * *

Софья могла только еще раз повторить за мудрецом – что Бог ни делает, он все делает **ВОВРЕМЯ!**

Недели не прошло с приезда Степана, как Алексей Михайлович объявил детям, что не век ему вдовцом вековать. Желается ему опять невест созвать со всех краев Руси-матушки, да и выбрать себе любушку по сердцу. К Рождеству и начать бы с этим делом!^[2]

Неизвестно, что он ожидал услышать, но в ответ Алексей Алексеевич только улыбнулся. Вот старшие дочери – те истерику закатили, на колени пали – тятенька, не надо нам мачехи! Вслед за ними и младшие плакать начали.

Марфа да Софья переглянулись – и плечами пожали. Мол, ежели пожелаешь, тятенька, – женись. Дело хорошее! Пусть съедутся красавицы в Кремль, да и выберешь себе любушку по сердцу.

Но так спокойны были только они – а потому вскоре, не вынеся криков и плача, огневался царь, да вышел и дверью хлопнул.

А вечером пришел в гости к сыну.

Алексей Алексеевич на тот момент сидел, книжку читал. Отца встретил уважительно, с поклоном, Алексей Михайлович его по плечу потрепал.

– Взрослый ты у меня стал, сынок. Совсем мужчина. И не верится уж, что шестнадцатый год тебе. Я в твоём возрасте уж шапку Мономаха принял...

– Тяжко было, батюшка?

– Да уж нелегко... Не осуждаешь меня, сыне?

– За что, тятенька?

– За решение мое. Знаю, думаешь ты, что матушку я твою скоро забыл...

– Тятенька, неужто ты в жизни своей хоть немного счастья не заслужил? Первый раз тебя любимой лишили, так, может, сейчас кого по сердцу найдешь.

– Ты и об этом знаешь?

– О касимовской невесте в тереме только ленивый да глупый не болтал.

Алексей скромно умолчал, что нормальные люди переболели бы любовью, да и дальше жили без бед и горестей. И уж точно не дали бы жене травить и бесконечными родами мучить – или не женились бы, раз душа не лежит...

А то как детей делать – так Машка хороша. А как страдать – не любя она мне! Комедиант греческий! Такого юноша не понимал – и не собирался. А вот отца растрогало. Вздохнул, глаза заблестели.

– Эх, сынок. Любил я Фимушку. Любил без меры и памяти... и сейчас полюбил. Никогда не давай тебя с любимой разлучить, никто между вами встать не должен!

Алексей мимоходом подумал, как это отличается от того, что понимал он.

С любимой тебя разлучить не должны? А ежели твоя любовь всей стране большой тяжестью на плечи падет? Когда глупа твоя девка, да и зла без меры, и не тебя она любит, а власть твою?

Уж что-что, а оценить Наталью он мог, ему пышные перси глаза не застили. И видел парень, что для нее власть – главное. Это ее воздух, ее вода, ее душа – рано или поздно она бы все равно сама это осознала, а потом и головы полетели бы. Потому как царствовать и править – вещи разные.

– Когда полюблю, тятенька, обязательно твои слова мудрые вспомню. Но покамест свободна душа моя. А вот ты, смотрю, и правда полюбил. Не знаю я ее? Чьего рода сия дева будет?

Алексей Михайлович улыбнулся.

– Рад я, что понимаешь ты меня. Да и девочки – Марфуша с Сонюшкой – порадовали. Знаешь ты девушку эту – она воспитанница боярина Матвеева.

– Уж не Наталья ли?

– Да, сынок. Помнишь ты ее?

– Кажется, она на представлении для сестренки была? Нет?

– Да, Алешенька.

– Вроде как помню. А то и нет...

– Какая она красавица, сыне! А уж разумница...

Царь сел на своего любимого конька – и следующие полчаса царевич слушал, как его отец превозносил достоинства Натальи. Хотя сам тоже мог бы кое-что сказать о добронравии и благочестии означенной персоны. Но – молчал.

И лишний раз убеждался, что его сестра худого не посоветует. Софья говорила – молчать и не возражать. Только дело попортим, ежели царю глаза открывать будем!

Так и вышло.

Изливший весь трепет души царь удалился, а царевич выскользнул в коридор и направился к сестре.

Софья еще не спала. Сидела, размышляла о чем-то, крутила в руке дорогой кинжал с камнями самоцветными.

- Красивая игрушка.
- Стенька привез. Ты заметил, как он на тетку Татьяну смотрит?
- Что, еще один влюбленный на наши головы?
- Второй – наш батюшка?
- Ну да. Права ты была – Нарышкина это.

– А то нет? Завтра, Алешенька, позови к себе боярина Стрешнева да попроси его помочь.

– В чем бы?

– Лошадник он. А нам бы где кормов на зиму прикупить, своих маловато. Стенька нам татарских жеребят пригнал, умные, конечно, но кормить-то надо! Мы ж на них не рассчитывали!

– Просто так и позвать?

– Э нет. Не просто так. А вот как придет он, мы с тобой вместе должны быть.

– И?..

План был идеально прост. Софья собиралась не только нейтрализовать Наталью, но и натравить всех остальных на Матвеева. Через Ордина-Нащокина уже была пущена сплетня, что царь жениться собирается – и боярское море заволновалось.

Милославские таки прорвались к Алексею, и тот подбросил второго ежа, посокрушавшись, что он-де – сын от нелюбимой жены. А вот ежели женится царь еще раз, то и вовсе про них забудет, как и не бывало.

Настало время пустить третью сплетню. Они ведь завсегда достовернее, ежели из разных источников.

Спустя час царевич уходил значительно спокойнее, чем пришел.

– Ох, Сонюшка, что бы я без тебя делал?

– Жил бы и горя не знал...

Софья чмокнула братца в щеку, уселась на кровать, задумалась...

Вошла верная Груня, помогла раздеться, улежся... про молитву Софья и не вспомнила. Куда ей, она делами молится, а без дел, хоть лоб разбей...

Сколько уж прошло, как она себя осознала в теле трехлетнего ребенка?

Почти десять лет.

Что сделано за это время?

По большому счету – две вещи. Набирается и готовится кадровый резерв. Создан грамотный механизм его подготовки и интегрирования в жизнь страны. Это плюс. Набирается интеллектуальный резерв. Вот, пищали, опять же. И золото. И еще много чего... один из мальчишек узнал, как добрую сталь варить – отписал. Второй чуть ли не ткацкий станок описывает...

Третий пишет, что губернатор казнокрадствует – и подробно расписывает, куда, сколько, кому – это ж радость!

Алексей, когда на трон взойдет – своих людей получит. Да и войско мальчишечье, вроде и потешное, а все ж таки свое. И казаки под его рукой. А золото – оно всегда золото.

У него есть своя партия, которая хоть и потребует денег, но все же не станет давить. Ему есть кого и на какие места поставить.

И все равно, первое, что придется сделать, – это разобраться со стрельцами. Второе – с боярами. Навести у себя порядок, а то распустил всех отец – спасу нет.

Кровь?

Будет. И простит ли она себя за это? Хотя вопрос глупый. Себя она всегда простит. Вот других – уже вряд ли. А себя, любимую, с полным на то удовольствием. Сейчас вот еще Матвеева окоротить, лучше с летальным исходом...

Софья заснула с довольной улыбкой, и снился ей боярин Матвеев. Она на него гневалась и топала ногой, а мужчина пятился назад и падал куда-то в пропасть.

* * *

Иван Федорович Стрешнев к царевичу шел с радостью. А чего ж не пойти?

Умный он, добрый, вины за боярином никакой нет, значит, желает ему царевич поручить что-то. Чего б и не...

Но замер мужчина перед дверью кабинета. Слуга словно растворился, а из-за двери донеслись голоса.

– ...Матвеев зарвался! Девку свою под царя подкладывать!

– Алешенька, не горячись так! Может, и неправда это!

– Соня, государь мне вчера чуть ли не прямо сказал, что смотр невест объявит, а сам на Нарышкиной женится. Чтобы не испортили ее раньше времени.

– Да там портить-от некуда!

– Знаю. Гулящая она, да как про то отцу сказать?

Боярин кашлянул и дверь толкнул.

Потом он обдумает, потом...

Царевна с писком метнулась в спальню, а царевич улыбнулся.

– Проходи, Иван, рад тебя видеть!

– Государь царевич...

Иван поклонился, низко, как должно, получил в ответ улыбку...

– Поздорову ли, боярин?

Разговор затеялся вполне чинный, и сена Иван Федорович продать согласился, и все было хорошо, а все ж таки...

Царапало, царапало внутри. Поговаривали уж, что царь жениться вновь захочет, волновались Милославские... а ежели Матвеев ему свою девицу подсунет – это что же будет? И так от этого выскочки худородного возле трона не продохнуть, а тогда он и вовсе на головы сядет!

Никак такого допустить нельзя.

Надо бы узнать поточнее, да и сказать кой-кому о матвеевских планах... вот ведь паскуда! Из грязи в князи лезет!

* * *

Когда Матвеев сообщил Наташеньке о планах государевых, та взволновалась. Это что ж – ей теперь в Кремль переехать?!

Так она и Алешу не увидит более!

Наталя в церковь почти бегом бежала, но царевич там уже ждал. И отпустили когти сердечко девицье.

– Государь!

– Наташенька!

Синие глаза блеснули ласково – и невдомек Наталье было, что в этот миг размышлял царевич не о красе ее девичьей, а о том, как окоротит наглого боярина.

– Мне в Кремль ехать надо, в палаты царские! Там отберут девиц... Алешенька, страшно мне! Дядя сказал, что все уж договорено. Для вида нас смотреть будут, а меня выберут! Что делать?!

– Ехать и быть спокойной. Все сложится, как нам надобно. Обещаю тебе...

– Неужто?!

– Найдет себе тятенька другую по сердцу, а тебя отпустит.

Наталя хоть и сомневалась, да успокоили ее слова ласковые. Да и... что она теряла?! Хоть бежать, хоть в ноги кинуться – никогда не поздно.

Если б знала она, что в это время Софья беседовала со своим дядюшкой Иваном Милославским. Тот, хоть и смотрел на девочку искоса, но слушал внимательно. Как-никак, сейчас ее устами царевич говорил.

– Известно мне стало, что государь невесту себе выбрать желает.

– А...

– И даже известно, кого он выберет.

– Кого, государыня царевна?

– Кому царевна, а кому племянница, – Софья улыбнулась ласково. – Матушка умерла, больше за Милославских заступаться некому, так ли это?

– Ежели племянники родные не заступятся, так и некому, – подтвердил мужчина.

– А ежели мачеха будет у племянников? Ночная кукушка, она завсегда дневную перекукует, всем то известно.

– Так что ж делать, государыня?

– Известно мне, что хотите вы девушку свою представить...

– Да.

– Этого не будет.

– Как?

Милославский аж побледнел. Действительно, и девушка была хорошая, на Машу ликом похожа, косы черные, глаза ясные... что ж это?!

Софья только головой покачала.

– Другая ее заменит.

– Как?!

– А вы скажете, что она это. Крест целовать будете – не дрогнете. Тогда и сладится все.

– Н-но...

– И сделать надобно так, чтобы государь ее подольше не видел. Сможете?

Милославский задумался. Можно так сделать, можно...

– А...

Софья взяла со стола колокольчик малый, тряхнула, и...

Милославский замер как статуя каменный, бессмысленный. Девица, что вошла в комнату, была... Не идет, а плывет, губы розовые улыбаются, коса – сноп золотой, глаза что небо синее... да и лицо... словно Всевожская вдруг вернулась.

Невдомек ему было, что грамотно подобранная косметика еще и не такое нарисует. Поговорить с Ординым-Нащокиным, еще кое с кем, Лейлу попросить – и готова копия. Мало

ведь Наталью убрать. Ее не станет – другая нарисуеться, может, и еще хуже. Надо было найти такую, чтобы всю жизнь Софье благодарна была. И Любава для этого подходила как нельзя больше.

Софье она благодарна была за избавление от отчима. Вышла матушка замуж второй раз – и как дети пошли, так девочку вовсе в служанку превратили. А деваться-то и некуда было, разве что головой в омут. Но на это сил у малышки не хватало. Заметила ее одна из Софьиных девочек, поговорила с Любушкой, нашла девочку достаточно сообразительной и благодарной – и дала знать Софье. А та подсуежилась, попросила тетку Татьяну съездить да забрать малышку к себе. Хотя малышку... Тринадцать лет ей на тот миг было, сейчас уж шестнадцатый шел. И красота ее только расцветала. А вот характер...

Несамостоятельная она оказалась. Забитая. Сломанная. Даже не так... до конца ее не сломали, а вот волю к самостоятельным решениям и силу, чтобы по-своему жизнь повернуть, против течения плыть – навсегда выбили.

Софья так и планировала ее замуж выдать, но... когда поняла, что с отцом творится, принялась к девочкам своим приглядываться – и Любушка ей подвернулась. Красавица именно нужного типа. Благодарная Софье.

А еще...

Даже когда государь умрет, ей никто пропасть не даст. Да, второй раз замуж выйти не получится, но ежели понравится кто – препятствий не будет. И детей пристроят, благо, опыт есть. И поддержат, и помогут... Но для начала надо стать той самой.

А как?

А вот так. Сердце тогда на новую любовь податливее, когда от старой еще не остыло. Мало просто убрать Наталью – на ее место десяток других найдется, и нигде не сказано, что они умнее или добрее будут. Надобно еще так сделать, чтобы отец женился на хорошей девушке. И это – Любушка.

– Знакомься, дядя. Любавушка это. Племянница брата жены соседки тестя. Или еще как... но место ей ты найти должен.

– Сонюшка, да как же...

– Рода она хорошего, купеческого. Но ежели мы с Алексеем ее приведем – сам понимаешь, не можем мы этого сделать.

Это Иван понимал. И внимательно смотрел на девочку, видя в ее глазах спокойствие и уверенность. А ведь она благодарна будет. Ему благодарна за эту помощь. Опять же, и шантаж – дело хорошее.

Софья все эти мысли читала так отчетливо, словно Иван у нее над ухом говорил. Но улыбалась и молчала. Ни к чему собеседнику понимать, что читают его, как книгу раскрытую.

– Все я сделаю, племянница.

Последнее слово Иван так голосом выделил, что не понять было сложно. Я-то сделаю, но и ты мне отплатишь. И получил в ответ улыбку и чуть опущенные ресницы.

Понимаю. Отплачу добром.

Иван это понял и перешел к деловому обсуждению.

– Любушка со мной поедет?

И получил в ответ насмешливый взгляд.

– Нет, дядюшка. Ты привезешь девицу свою в Кремль, а уж здесь мы ее обменяем на иную. Понял?

– Н-но...

– Я знаю, на что хватит твоего влияния.

– Ты мне не доверяешь, Сонюшка?

Мужчина был смирен таким взглядом, что пафос проглотился сам собой. Выражение лица Софьи явственно говорило, что она дядюшке и бульон из-под вареных яиц на ответственное хранение не доверит. Ивану Милославскому! Милый мой, да кто тебе поверит-то?!

Впрочем, мужчина и не обиделся. Лизоблюды, они вообще не обидчивые, а то еще от кормушки отлучат. Уточнил несколько важных деталей, переговорил с Любашей – и отправился восвояси. Софья перевела дух. Ей-ей, ощущение – словно в навоз ныряла. Отвыкла она от таких друзей, а тут нате – приветик из двадцать первого века. Сколько таких она помнила...

И рефреном вставал вопрос – ну как тут не прибить?

* * *

К Рождеству все утряслось с царскими невестами. Все они съехались в Кремль, но смотрины Алексей Михайлович пока устраивать не торопился. Ждал всех проверок.

Хотя с Наташенькой своей разлюбезной каждый день виделся, Софья это отлично знала. Но пока делать ничего не собиралась. Пусть поглубже увязнет.

А тем временем Степан Разин плотно познакомился с Ираклием – и уже сейчас мог сказать, что парень этот горячий, неглупый... Софья не собиралась пускать дело на самотек. Ей требовалось не просто убрать Наталью, но и подальше ее, подальше.

Кахети?

Да хоть бы и... Лишь бы у царя перед носом не мелькала! И вообще – в Грузию ее! Подальше!

Но Наталья была только первым пунктом программы. Вторым шел Матвеев. Травить боярина Софья не собиралась, невыгодно. Да и искать будут. А вот бояр на него спустить...

Стрешнев уже сплетни разносил, Ордин-Нащокин, еще с десяток бояр, которым то тут то там словечко шепнули, дворня, в которую слухи впрыскивались, как глюкоза из двадцатиграммового шприца, тоже взбурлила...

Одним словом, секрет царя и Матвеева медленно, но верно превращался в «по секрету всему свету».

Вопрос стоял иначе. Как будем компрометировать Наталью?

Софья честно хотела опоить ее снотворным и запихнуть в одну кровать с Ираклием. Но грузин был не дурак, протащить его бессознательного в терем было нереально, а сознательно?

На плаху?

Ага, щас!

А вот поговорить с Натальей он мог. И – в нужном ключе. Степан, конечно, не сильно годился для настройки царевича, но... о чем двое мужчин будут говорить в трактире?

Да о бабах!

А ежели аккуратно мысль подкладывать, что все они стервы, и ежели тебя один раз предали, то и второй предадут...

Мало выдать Наталью замуж подальше. Нужно еще, чтобы муж, когда с его любимой случится... случай, не слишком переживал, да и искал не слишком-то.

Но наконец подготовка была закончена и пришел час «Хэ».

Наступало холодное январское утро, восемнадцатое января, 1670 год, через пару недель собирались и официальные смотрины устроить... Над Кремлем занимался рассвет.

Софья смотрела в окно.

Если сегодня все пойдет хорошо и правильно – она получит управляемого царя и послушную царицу. Даже если Любушка кого и родит – воспитаем в нужном ключе. Если же плохо...

Монастырь Софью не пугал.

Из него бегают. Да и Алешка ее в беде не оставит. Голову не срубят, а остальное...

Пока мы живы – мы можем надеяться и бороться!

Дверь комнаты скрипнула, без стука вошел Алексей. Выдернул сестренку из кресла и уселся сам. Софья обняла брата за шею, ткнулась носом в плечо.

– Страшно, Алешенька...

– Справимся, Сонюшка. Обязаны.

Софья вздохнула. Вот сколько раз она слышала такое от мужа? Много, очень много. А потом мужа не стало. Не уберегла. Не защитила.

Видит бог, сейчас она бы что угодно сделала, чтобы защитить своих родных. И плевать на порядочность. Пусть она горит в аду, но ее близкие жить будут! А потом пусть судят, кто и как хочет. Но – потом.

– Алешенька, ты все помнишь, что мы должны сделать?

– Да, Сонюшка. Сегодня вечером...

Две головы сдвинулись. Дети тихо зашептались. Хотя... не такие уж и дети?

* * *

Наталья нервничала, и сильно. Уж два месяца, как живет она в Кремле. Своят сюда девушек со всех концов земли православной, а дело-то и не движется. Царь-то у нее в кармане, а вот царевич...

Алешенька... Имя-то какое сладенькое, словно леденец за щекой...

Отец его – нет, не то, а вот Алешенька, чудо синеглазое, с золотыми локонами! А руки какие у него! Небось, как обнимет, к себе прижмет – так и дух зайдется...

Красивый он!

И ласковый, и умный, жаль только, увидеться с любимым не часто удастся. Всего-то разика три и встречались – и то с оглядкой да в темных комнатах. Переговорили да разошлись. И ловила себя Наталья на грешных мыслях. Пасть бы на грудь любимому, устами к устам прижаться... да нельзя. И Алешенька к ней серьезно относится, честь ее до свадьбы бережет. Служанку к ней приставили, так вскорости заменили на другую, а та – Алешенькиной тетке служанка, так что записочки любимому передавать можно невозбранно, главное – имя в них не писать. Да и не надобно имени, когда чувства за каждым словом стоят, из груди рвутся...

Жалко только, что Ульянка заболела, вот уже два дня в жару лежит...

Наталья в зеркало собой полюбовалась... хороша!

И белая, и румяная, и плечи словно мраморные, и косы темные – чем не царица? Сначала, конечно, царевна, а потом уж, как старого царя не станет, так и Алешенька Шапку Мономаха наденет. А она – рядом с ним будет. Поможет, случись что, подскажет...

А то сейчас Алешенька не к тем прислушивается, ой не к тем...

А особенно сестрицу его надобно будет в монастырь спроводить, Соньку-гадину! Стервь такая, ненавистная...

Словно черт принес – дверь скрипнула. И в светлицу проскользнула девочка, при виде которой Наталья тут же встала со стульчика раззолоченного, поклон отмахнула.

– Государыня царевна...

Софья, а это была именно она, чуть улыбнулась.

– Встань, Наташа. Поговорить надобно.

Наталья послушно выпрямилась, уставилась в упор на девочку, а той – хоть бы и что. Стоит, глаза в глаза смотрит насмешливо, словно понимает, что ничего ей Наталья не сделает... эх, хворостиной бы тебя, нахалку!

– Я бы с тобой вообще не разговаривала, да брат мой что-то в тебе нашел. И отец тоже... не знаешь, почему хороших мужчин к дурным девкам тянет?

И глаза темные, насмешливые, жестокие... гадина! Вся в матушку свою!

– Потому как к хорошим им тянуться не дают. Ежели и полюбят мужчины такую, обязательно найдется, кому их свадьбу расстроить. Как касимовской невесте...

Удар цели не достиг, Софья только улыбнулась насмешливо так, ехидно. А зубки мелкие, белые, как у хищного зверька...

– И то верно. Что там с Ефимией вышло – мне неизвестно, мала я еще для этого, а вот что с тобой выйдет...

– Государыня?

Наталья поневоле насторожилась.

– Отец желает о помолвке объявить поскорее. Ты за него замуж пойдешь?

– Вольна ли я в своей доле?

– Хорошо. Так братцу и передам.

– Нет!!!

– Тогда вы с братом встречаетесь сегодня, в моих покоях. После вечерни. Знаешь, куда идти?

– Знаю. Но почему...

– Потому что не все слугам доверять можно, а доверенная служанка болеет, – Софья возвела глаза к небу. – И почему Алешке такое непонятливое нравится?

Наталья зашипела, но смолчала. Ничего, царевна, вот выйду я за твоего брата замуж – тогда по-иному разговаривать будем! Софья посмотрела на нее и кивнула.

– Так-то. После вечерни за тобой моя служанка придет.

Наталья поклонилась. Но в голове у нее сейчас крутились сплошь черные мысли.

Убила бы наглузую девчонку!

Как только замуж за Алексея выйдет – тотчас ее в монастырь отправит! Вот ведь дрянь!

На следующее же утро после свадьбы и отправит!

Софья поставила галочку. Отлично.

Натаалья приведена в растрепанное состояние. А нам это и нужно. Основной принцип – если хочешь, чтобы человеку самообладание отказало к вечеру – начинай накручивать его с утра.

А вечером все должно пройти... хорошо.

– Сонюшка, поговорил я со Степаном. Сделано все.

Ванечка Морозов появился, словно из-под земли. Софья улыбнулась другу.

– Все хорошо прошло?

– Замечательно.

Вот беда-то, вот огорчение, у Артамошки Матвеева поместье загорелось. Да какое! Рядом с Москвой – дом полыхнул, словно и не было его...

Это, наверное, керосин неправильно хранили.

Ах не было керосину? Тогда квашеную капусту. Но – неправильно, это определено. Фролке Разину с ребятами много и не понадобилось. Псам приманку с сонным зельем кинули, людей оглушили, из поместья забрали что поценнее, да в ночи и растворились. Что поценнее – отдали Софье, та заплатила не скупясь. Кто знает, где еще эти побрякушки пригодятся? Матвеева подставлять надо по полной! Фрол потом лично проверил, чтобы ничего и ни у кого не осталось.

Конечно, Матвееву доложили спозаранок. И конечно, тот помчался проверять, что, кто, как... Ну, попутного ветра в горбатую спину!

Было, было у Софьи желание встретить его по дороге, притопить в ближайшем болоте и забыть мерзавца навеки, да нельзя пока! Государь его любит, ценит, искать виновных начнет – и найдет ведь. Софья не обольщалась – соглядатаев хватало, доносчиков и наушников у папочки тоже много было. Но Дьяково им позволяли.

Царь считал, что сын у него должен самостоятельным быть, вот и разрешал мальчишке возиться с игрушками.

Надо бы еще распорядиться девочкам... но Софьины воспитанницы свое дело знали. Уж что-что, а «накрутить» человека за день – да запросто! Тут страшную историю рассказать, здесь завизжать, чтомышь пробежала, коих Натаалья, кстати, боялась и не любила, за волосы дернуть больно или уложить их не так...

Методика воздействия на психику в гаремах отработана до тонкости. Пусть такого опыта у девочек еще и не было, но было желание и возможность. Так что к вечеру Натаалья себя чувствовала как натянутая струна. А в царских покоях разворачивался спектакль по полной программе.

Начал его после ужина Алексей Алексеевич.

– Тятенька, дозвошь с тобой переговорить?

– Неладное что, сынок?

– Тятенька, нам бы с глазу на глаз...

Рисковали они с Софьей сильно. Но – выбора не было. Никому другому царь не поверил бы. Так что прошли мужчины в царский кабинет и дверь за собой прикрыли. Софья чуть ногти не сгрызла, ожидая конца разговора. Полцарства за жучок! Но подслушать – увы! – не получилось бы. Оставалось только переживать за брата!

В царском кабинете Алексей Алексеевич сразу отцу в ноги бросился.

– Прости, батюшка! Вели казнить, не вели помиловать! Виноват я перед тобой! Смертно виноват!

И минут пять в таком же духе, до слез и соплей.

Виноват!

Подвел!

Делай со мной, что пожелаешь!!!

Царь сначала опешил, потом принялся сына успокаивать, а уж потом...

Когда Алексей Алексеевич смог говорить, рассказал он такую историю. Не зря он так к Матвееву идти не хотел. В тот вечер, когда они вдвоем с батюшкой были там, Наталья Нарышкина... что-то случилось с девкой. Он-то уехал и забыл, как ни в чем не бывало. А вот спустя месяц, когда на похороны брата приехал – тут ему записочку и принесли. Не ведал он – от кого записка, иначе б не пошел! Но...

Оказалось, что видеть его желает Наталья Нарышкина. И что Матвеев ее принуждает за царя выйти замуж...

– Принуждает?

Вот тут Алексею Михайловичу первую черту по сердцу и провели. Любил он, да. Но ведь взаимности хотелось, а не покорности! Тем паче – по принуждению.

– Клялась она, что Матвеев ее заставляет. И что другой ей люб.

Алексей Михайлович мрачнел на глазах. Не верить сыну?

Да вроде как сын его никогда не обманывал. С другой стороны – межреберный бес нашептывал: «А вдруг все это просто, чтобы ты не женился?» Ребенку не хочется мачеху, так бывает!

Но и...

– А другой – кто?

– Тятенька, позволь мне дальше не рассказывать, а показать тебе все?

– Показать?

– Наталья же с остальными невестами царскими в Кремле сейчас, коли позовем, так придет?

– Сейчас скажу позвать...

– Нет, тятенька, нехорошо так будет. Я сейчас Сонюшку попрошу, пусть ее служанки сбегают.

– Почему вдруг?

– Ежели она знать будет, что ты зовешь – признается ли?

– Почему б и не признаться ей?

– Потому что и сама она, и семья ее – полностью от Матвеева зависят. Случись что – он никого не пощадит. Для него ведь честь какая – с тобой, батюшка, породниться...

Звучало логично. Но верить все еще не хотелось... ну да ладно. Посмотрим!

– Скажи Софьюшке. Но... куда?

– А ко мне в покои, батюшка.

– К тебе? В покои?

– Там место есть, где спрятаться. А Наталья все равно Кремля не знает... ежели ты, тятенька, в другой комнатке за дверцей постоишь так, чтобы слышать все, да тебя не видели?

Алексей Михайлович задумался. Алеша ждал. Тут было самое хлипкое место всего плана. Но учитывая мягкий и достаточно своеобразный характер Тишайшего – не сильно они

с Софьей и рисковали. Да, отец был гневлив, ревнив и не простил бы, застань он парочку прелюбодеев. Но когда сын кается, когда идут намеки, что он пытался все изменить, но не получилось, когда...

Одним словом – мужчине было проще посмотреть самому, чем потом всю жизнь мучиться вопросами. Нет, если бы к нему подошли иначе, если бы надавили, предъявили претензию – моментально бы получили в ответ по полной. Но мягко, ласково...

Как говорил великий Саади, ласковым языком можно и слона на волосинке водить, не то что царя на веревочке!

В покоях у Алексея было уже все приготовлено.

Приоткрытая дверь занавешена занавесью, мебель сдвинута так, чтобы не задеть, поставец со свечами выхватывает из темноты только нужное, чуть приоткрыто окно, чтобы шепот ночи заглушил ненужные звуки...

Но на этот раз Софья себя в сторону отеснить не позволила. Служанку послала, но и сама спряталась – уже привычно, под столом. Что-то подсказывало ей, что Алексей Михайлович ее присутствия не одобрит, но и ждать за дверью?

И так все руки искусала, пока прошлый раз ждала, второго насилия над собой она уже не выдержит! Эх-х-х, где мои семнадцать лет – и где мой прежний опыт...

Раньше-то Софья могла ждать, сколько понадобится. И выжидать, и терпеть – ради своей цели она что угодно готова была сделать.

А сейчас нервы, нервы...

Видимо, изначальная владелица этого тела была очень эмоциональна. Софья давила в себе эти выбросы, но прорывалось, никуда не денешься.

Но наконец в дверь постучали. Вопедшая Наталья была бледна – и даже на предвзятый Софьин взгляд – ее слегка потряхивало.

– Алешенька!

– Наташа, прошу, проходи.

Наталья вошла, дверь за собой закрыла.

– Подобру ли, поздорову ли?

– Тяжко мне, Алешенька! Уж немного времени осталось! Не могу я больше! Что делать?!

Наталья таки сорвалась. Действительно, сколько можно?! Конец отбора на носу, потом не сбежишь! А за старого царя выходить тоже желания нет, ну не геронтофил она, ни капельки!

– Да, совсем чуть осталось – и батюшка невесту назовет. Ты ей быть точно не желаешь?

– Алешенька! Да противный он! Старый, толстый, вонючий!

Софья под столом расплылась в довольной улыбке. Если мужик такое прощает женщине... это уже не мужик!

– Это отец мой!

– Прости, Алешенька! Только видеть я его не могу больше! Вроде и смотрит ласково, и говорит приятно, а только не могу я больше! Как представлю, что поцеловать его придется – дурно становится! Давай сбежим! Мне без тебя жизнь не в радость!

– Наташа, мы ведь отцу рану нанесем, да какую.

– Коли любит тебя – так простит. А коли нет – неуж ты меня старику отдать хочешь? Так сразу скажи, я уж лучше в воду головой!

– Не стоит.

Алексей Михайлович был великолепен. Спокоен, серьезен, сдержан – и горделив в

своем страдании. Станиславский руку бы отдал за такого актера!

– Что ж ты, Наташа, сразу мне все не сказала? Не стал бы я тебя неволить.

Наталя еще могла выкрутиться одна, но думая, что Алексей теперь будет с ней, что царь просто случайно – у нее не было времени сообразить, что все было подстроено. И потому...

– Не вели казнить, государь! – Наталя кинулась царю в ноги, Алексей Михайлович едва отстраниться успел. – Любим мы друг друга!

Царь дал ей повалиться пару минут с криками. Больше и не понадобилось, Наталя поняла, что голосит в одиночестве и стихла. Оглянулась.

– Мы – это кто?

Вот тут Наталя и осознала, что царевич подозрительно спокоен, бросила на него взгляд – неужто... и прочитав там ответ на свой вопрос, едва в голос не завывала. Остолбенела...

Не ждала она предательства. Алексей же Алексеевич был спокоен.

– Не любя она мне и не была никогда.

– А она иначе думала?

– Ничего я ей не обещал, батюшка. Ни любви до гроба, ни руки, ни сердца. Сама решила, что люб я ей, сама на шею кинулась, сама с тобой в любовь играла, а мне глазки строила. Есть тут и моя вина – что не покался я вовремя перед тобой, да страшно было мне – и сердце тебе разбивать не хотелось. И любое наказание от тебя за то приму.

С точки зрения Софьи, звучало подловато, но – какая разница? Им надо было довести Наталию, чтобы из нее полезла вся мерзость – Алексей этим и занимался.

– А тут еще кое-что. Человек мой поговорил с царевичем Кахети.

– Ираклий...

– И тот утверждает, что Наталя и ему в любви клялась. И это только те, о ком мы знаем. А сколько их всего было – Бог весть.

– Не было такого!

Наталя вскочила с колен. Она была бойцом, она была умна и отважна, но это ее сейчас и подвело. Романов мог пощадить сломленную отчаянием и обманутую, растоптанную и униженную. Но не крикливую девку, вовсе нет.

– Поклеп это! Наветы гнусные!

– Неправда. Ираклия спросить можно, он лгать не станет. Просто не желал он жениться на бесприданнице, вот ты его и приваживала, чтобы созрел.

Софья усмехнулась, глядя на гнев на лице Натали. Гнев, ярость, ненависть, глаза выпучились, с губ слюна ошметками, пальцы когтями скрючены – того и гляди кинется. Вот и пусть кидается!

Лучше – на государя.

– Лжу возводите!!! – заверещала Наталя. – Ты сам мне в любви клялся! И записки твои у меня есть!

Ага, как же!

Размечталась!

Софья была уверена в себе на сто процентов. И в своих девочках тоже. Вошли две служанки, да и вышли вон. Подушки там взбить, горшок унести... а записочки? А может, это туалетная бумага такая!

– Не писал я ничего, батюшка. И не привечал бы ее, да знать хотелось, насколько глубоко бесстыдство ее зайти может.

Наталя выкрикнула несколько грязных ругательств – и медленно осела на пол. Глаза ее

дико вращались, на губах показалась пена.

Мужчины явно растерялись, иметь дело с бабами в истерическом припадке никому не доводилось. Первым опомнился царь.

– Слуги!

Передал Наталью с рук на руки слугам и кивнул сыну.

– Пойдем, посмотрим, что там за записки.

Стоит ли удивляться, что никаких записочек нигде не нашли, хотя в покоях Натальи даже и стены простучали. Зато записочки, которые Наталья Алеше писала, нашлись, хотя и не все. Софья их тщательно отобрала, одну к одной, а уж руку Натальину Алексей Михайлович знал. И то сказать – хоть Наталья имя и не упоминала, но кое-что выцепить оттуда можно было и узнать адресата.

Мужчины молчали. Алексей Михайлович был подавлен. Алеша же просто молчал – ему было неприятно все это. И никогда бы он так не поступил, если бы не Софьины уговоры. Да и...

Политика – дело грязное. Уж сколько сестра ни говорила, а каждый раз убеждаешься. Или это так мерзко, потому что он подставил девушку? Да, какая ни есть, но она его любила. А он...

А все равно!

Теперь лишь бы не напрасно!

После обыска царь кивнул на свои покои – и медленно пошел к себе. Алексей следовал за ним.

Там Алексей Михайлович опустился в кресло – и сломленно закрыл лицо руками. Не было царя – лишь несчастный преданный человек, которому от того плохо и больно.

– За что она так, Алеша? Неужто не понял бы? Не простил бы?

Алексей огляделся, нашел взглядом кувшин со сбитнем, который стоял на столике у стены. Плеснул в кубок.

– Испей, батюшка.

Царь глубокими глотками пил сбитень. Дыхание его постепенно выравнивалось.

– Несчастный я человек. Все меня предают, воры одни кругом, верить никому нельзя... За что? В чем я провинился?!

– Не говори так, батюшка. Матушка тебя любила. Да и мы у тебя есть, мы не предадим. Просто иногда так бывает...

– Разогнать всех этих невест по домам...

– Не стоит, батюшка. Бояре обидятся. Ты лучше погляди на них – авось и выберешь себе любушку по сердцу?

– Я думал, она меня любит... Старый, вонючий...

Кубок с силой врезался в стену.

– Отправлю ее завтра к Матвееву! И чтобы духу его в Москве не было!

Алексей покачал головой.

– На смерть девку обрекаешь, батюшка. Что с ней Матвеев сделает?

Алексей Михайлович вздохнул.

– Думать о ней – и то больно.

– Прости меня, батюшка. Виноват я перед тобой.

– В чем? В том, что молод да красив? Или что не любя тебе Наташа? Так насильно мил и не будешь...

Алексей искренне зауважал своего отца. Многие бы на его месте так поступили? Да почти никто... и гонцу, принесшему дурные вести, досталось бы, и Наталью бы на плаху поволокли, и все же...

– Сегодня решить надо, батюшка. И сделать тоже. Иначе Матвеев ее не помилует. Ты же не хочешь ей смерти?

– Нет. Пусть счастлива будет... но подальше от меня.

– В Кахети? С Ираклием?

Алексей Михайлович задумался.

– Ираклий давно у меня денег просит, но ежели так – помогу я ему. Людей не дам, а денег пусть возьмет. Обвенчать их сегодня же ночью – и пусть едут.

– Ежели согласится он?

– А коли нет – так я и Арчилу помочь могу! – Синие глаза сверкнули гневом. – Он бесприданницу не хотел? Так нынче радость у него! Сам царь за девкой безродной приданое дает! Прикажи, чтобы нашли да привели!

Алексей так и сделал. И вернулся к отцу. Оставлять мужчину одного ему не хотелось.

* * *

Софья смотрела на лежащую без сил Наталью. Глаза ее были спокойны и холодны. С таким же выражением она разглядывала бы какое-нибудь животное редкой породы. Пока еще Нарышкина не пришла в себя, но Софья хотела поплотнее забить крышку ее гроба. Слишком Наталья умна, чтобы пускать все на самотек.

А жаль.

Сложись все иначе – подругами стали бы.

Но такая мачеха ей не нужна, такая жена Алексею – тоже. Тем более что и в памяти всплывало нехорошее. Когда-то давно... Петр Первый... книга Толстого... Она уже почти ничего и не помнила, но в начале романа, там точно были Наталья Кирилловна и Матвеев. Алексею она об этом не сказала, но приглядывать за братом собиралась. Ведь если...

Хоть убивай – не могла Софья вспомнить подробнее. Как корова языком слизнула.

Наталья зашевелилась, глаза приоткрыла.

– Ты!

– Я, – подтвердила Софья. Чуть улыбнулась. – Я, Наташенька. Или ты думала, что я позволю безродной девке в постель к моему брату да в сердце к отцу влезть?

Черные глаза медленно загорались яростью. Софья чуть склонила голову к плечу.

– Не нужна нам такая, как ты. Злая да глупая.

– Тебе ли судить?

– Мне. Не надобен нам Матвеев у трона. И родня твоя также не надобна.

– А твоя многим лучше?

Софья головой качнула.

– Моя родня уже ничего не решает. А вот ты...

Наталья скрежетнула зубами. И вдруг спросила:

– Что со мной будет?

– Монастырь, – Софья не знала, но лгала без зазрения совести. – Ежели батюшка смилуется. А то могут и голову срубить.

А пусть помучается, дрянь черноглазая! Сколько из-за нее Софья переживала... от школы отвлекаться, потому что у батюшки весна в причинном месте заиграла, проекты приостанавливать – легко ли? Хотя так отомстить.

– Лжешь!

Девочка пожала плечами.

– За дверью стража. Вздумаешь бежать – пеняй на себя.

Развернулась и вышла. Наталья долго не пролежала, заметалась по комнате.

Как?!

Как могло так получиться?!

Почему?!

За что?!

Вопросов было много, а вот ответов не было. Оставалось только скрипеть зубами в бессильном отчаянии.

* * *

Ираклия долго искать не пришлось. И нашелся, и пред царские очи предстал, и на вопросы ответил честно.

Да, было такое. Знает он матвеевскую воспитанницу. Только вот как царь в тот дом пожаловал – тут же ему от ворот поворот дали. Матвеев и развернул, сказал, чтобы не морочил он девушке голову. Наталья?

Да, говорила, что люб он ей.

Жениться?

Так ведь... э-э-э... бесприданница она, государь... а у меня еще трон не отвоеван...

Алексей Михайлович пожал плечами.

– Войска не дам, но где найти их – ты знаешь. Ежели на Наталье женишься и с собой ее заберешь – дам я тебе денег. А нанять кого – дело несложное.

Ираклий задумался, но не надолго. Наталья ему была по душе, а уж приданое – и вовсе медом растекалось.

– Готов служить тебе, государь.

– Тогда к свадьбе готовься.

– Когда, государь?

– Сейчас.

Ираклий бросил взгляд на царевича и увидел его выразительный взгляд. Такие любой придворный читает на раз. Молчи, я все тебе расскажу.

И согласился. Единственное, что попросил, – это во что другое переодеться, а то ведь из постели вытащили...

Алексей Михайлович не отказал.

Странная это была свадьба.

Ночная торопливая исповедь, мертвенно-бледная невеста с ненавистью в глазах, довольный жених, государь, выглядящий откровенно убитым горем, внешне спокойный царевич, в глазах которого плещется удовлетворение хорошо проделанной работой...

Царский духовник, который венчал эту пару, даже и не пытался что-либо сказать. Себе дороже. А царевич успел перекинуться парой слов с Ираклием. Быстро, пока Наталью

исповедали.

– Что случилось, государь царевич?

– Наталья отцу призналась, что не люб он ей. Другой ей по сердцу.

– Вот как? А что ж я...

– За того человека она замуж выйти никак не может. Но и здесь оставаться...

– Матвеев?

– Да.

Ираклий кивнул. На Матвеева и у него был зуб, Наташа ему нравилась – почему бы и не совместить приятное с еще более приятным?

Так вот и получилось. Вскоре после полуночи все было закончено – и все разошлись по своим покоем. Сына Алексей Михайлович тоже отослал. Хотелось побыть одному. Хотелось...

Сердце болело.

Алексей Алексеевич же не успел войти к себе, как у него на шее повисла Софья, хлопнул по плечу Ваня Морозов.

– Алеша, какой ты молодец!

– Ты это сделал!

– Грязно это...

Софья тут же поняла, что на сердце у брата. Усадила его в кресло, опустилась рядом на пол, заглянула в лицо.

– Очень грязно, Алешенька. И мерзко. Только я так тебе скажу – мы сейчас большего зла избегли. Женился бы батюшка на Наталье – думаешь, успокоилась бы она? Никогда. Начала бы его против тебя настраивать, для своих детей интриговать. Матвеев помог бы, ему то не в тягость. Бояре бы разделились, а начни ты с ворьем бороться, как желаешь, – все бы на его сторону встали. Смута бы началась, брат на брата войной пошел – ничего нет страшнее. Не кори себя, не ты это начал. Ежели б Наталья отца любила, разве мы бы хоть слово супротив сказали?

– Она меня любила...

– Любила ли? Или говорила, что любит?

Ответа Алексей не знал. Смотрел в окно, вспоминая, как красивая девушка превращалась в раненое животное – и осознавал, что это всегда будет с ним.

Предать, интриговать... да будь он проклят – этот путь государя! Страшно это...

Так они втроем рассвет и встретили. Спящими вповалку на широкой кровати, как есть, в одежде. Алексей и Иван переплели руки, Софья маленьким зверьком приткнулась между ними...

Дети, всего лишь дети, которые впервые поняли, как это – играть человеческими судьбами. И им было больно. Что-то такое умерло в них в эту ночь... Иллюзии?

Возможно.

И даже Софья, хоть и рассталась с ними еще давным-давно, все равно переживала.

* * *

Переживал и Артамон Матвеев. На следующий день он узнал и примчался в Кремль, но к царю его даже не допустили. Он бы кинулся в ноги, он бы все исправил, но – увы!

Никто толком ничего не знал. Только что одну из девиц срочно замуж выдали и отослали, а как, за что...

Увидеться с Натальей у него тоже не получилось. Ираклий, хоть и влюблен был в Наталью, но управлять ей не позволил. Молчи, женщина. Твое дело мужу улыбаться, а не в дела его лезть!

Алексей Алексеевич не отходил от отца, стараясь утешить его в горе. Софья же...

Софья о чем-то активно шепталась с Иваном Морозовым. А что Иван разговаривал после этого со Степаном Разиным, которому ходу в Кремль не было... Так что же? Не разговаривать с ним теперь?

Алексей Михайлович тоже переговорил с дочерью. Софья не отрицала ничего и не запиралась.

Наталья?

Было, было...

Алексей, когда записочку от нее получил, пришел к сестре, посоветоваться. Почему с ней? А с кем еще? С ней да с тетушками – иного выбора и не было. Не к отцу же с таким пойдешь, сердце разбивать...

Почему потом пошел?

Так тетушки и уговорили. Лучше один раз все прояснить, чем такие интриги за отцовской спиной плести. Мерзко это...

С этим Алексей Михайлович был полностью согласен. Мерзко и гадко. Идти на смотрины ему совершенно не хотелось, но надо было.

Так что в назначенный день девушек вывели в залу – и Алексей Михайлович пошел вдоль строя.

Лица, лица, лица...

Круглые и вытянутые, серьезные и встревоженные, карие, голубые, черные, серые, зеленые глаза, светлые и темные косы бегут по роскошным платьям... Пройти бы, не поднимая глаз, а лучше выгнать всех... И в груди тяжело, и вспоминаются черные очи, и голос грудной слышится, и улыбка нежная... Наташенька, что ж ты так со мной, любовь моя поздняя, нечаянная? Неужто чем виноват перед тобой?

Софья бы намекнула батюшке, что не там он вину ищет, да не стоило его добивать.

Раз прошел Алексей Михайлович, словно во сне дурном. И два прошел. А на третий раз вдруг выхватил из толпы знакомые синие глаза.

Ясные-ясные, словно небо летнее.

Только раз он такие глаза видел, только у одной женщины.

И коса снопом золотым по платью бежит. А лицо...

– Фимушка?

И не царь стоял в тот миг перед девушкой, нет. Мальчик шестнадцати лет, которого мечтой поманили, да отобрали ее. Чудо ли это?

Или время вдруг назад поплыло?

Царь пошатнулся – и если б девушка его под руку не подхватила – на колени упал бы.

Перед этой?

Перед той, которую предал в юности? Допустил, чтобы обвинили облыжно да с глаз долой услали?

Прощения просить, умолять, все бы отдал в этот миг – лишь бы поняла. Лишь бы простила, поверила, что не хотел он зла, просто отстоять ее не сумел! Глуп был, молод, в

себе неуверен... И вдруг увидел в синих глазах нечто такое, что разжались когти в груди... Тепло там сияло. Понимание и прощение. А Любава просто пожалела Алексея Михайловича. Как любого обычного, немолодого, усталого мужчину. Как человека. Раненная жизнью сама, она понимала, когда другим больно – и ему тоже так было. Шел, тосковал... Такое у него было в глазах, что страшно становилось. – Меня Любовью крестили, государь... Тихо-тихо, так, что, кроме соседок, и не слышал никто. Да и те отшатнулись, словно испугались чего. – Любушка... Два человека рядом. Понимание? Да, наверное. И это намного больше того, что они надеялись обрести. Алексей Алексеевич смотрит чуть удивленно. Неужели получилось? Сонюшка! Ну и умна ж у него сестрица!

* * *

В тот же день Любовь Алексеевна Пронская стала официальной царской невестой – и уж к ее охране отнеслись вовсе не так халатно, как когда-то к защите касимовской невесты. Служанки у нее были все свои, от Софьи. Охрана?

Алексей Михайлович поставил своих доверенных людей, да и Милославские тоже постарались. Иван Милославский примчался к Софье, падать в ноги и благодарить – царь, узнав, кому именно обязан своим счастьем, поблагодарил мужчину и пожаловал его золотой чашей с червонцами. Да и к царю Иван стал вхож намного чаще.

Любавушка по секрету призналась Софье, что ей царя уж-жасно жалко, он ведь такой одинокий – и никто его не понимает. Софья покивала, соглашаясь, что быть одиноким, имея аж десяток детей, троих сестер и всяких около-родственников – это у нас запросто, и посоветовала жалеть его почаще. Сошлись два одиночества!

Одному в радость слезы пролить, второй в радость их вытереть... идеальное совпадение!

Алексей Михайлович вообще ничего вокруг не видел, пребывая в розовом тумане. Софья даже удивлялась – как так можно? Но потом поняла. Царь любил жалеть себя и любил, когда его жалели. Любава же была наделена этим даром в таком количестве, что хоть сщеживай и в чай подливай. Даже Матвеева, который таки прорвался к царю и упал в ноги, не велел гнать со двора. Просто посмотрел с улыбкой и высказался в духе: «Неисповедимы пути Господни, никогда не угадаешь, где найдешь, где потеряешь». Понятное дело, Матвеева этот расклад не устроил, но тут грянуло еще более страшное.

Наталью Нарышкину нашли мертвой.

Царь был в шоке, хоть и недолгом. Но злорадство в нем перевесило. Вот, не крутила б хвостом, сидела бы сейчас в Кремле. А так – простите...

Что привело к такому печальному концу?

А вот что. Ираклий, получив деньги на необходимое – целыми днями мотался по Москве. Ведь нанять людей мало, надо их еще вооружить, одеть, обоз снарядить... Царь тоже чуть сжалился и обещал помочь стрельцами – с легкой руки сына. Лучше – матвеевским

полком. Самое то для него...

Одним словом – Ираклий был очень занят. А жена оставалась одна. И не в Кремле, нет. Царь не намекал, что хорошо бы кахетинцу оттуда съехать, но мужчина и сам был понятливым. Снял подворье да съехал – временно.

Сам царевич, получив деньги, да и поддержку, целыми днями то в полку пропадал, то еще где, а Наталья одна оставалась. Вот и упростила молодого мужа ее хотя бы в церковь отпускать.

Ираклий, конечно, согласился. Со служанками, с охраной... только кого это спасло?

Никто даже и не понял, как дело случилось.

Просто шла молодая женщина, улыбалась солнышку летнему, а потом в единый миг за сердце схватилась да и на снег осела. Служанка кинулась, захлопотала, помстилось ей, что Нарышкиной плохо стало – ан нет.

Не плохо...

Между ключиц женщины, брошенный с нечеловеческой точностью, торчал короткий арбалетный болт.

Вот тут-то толпа и взволновалась – убили! УБИЛИ!!!

Охрана искать душегуба бросилась, да только следы на снегу и разыскала, обильно перцем пересыпанные. Собака не прошла чтоб.

Ираклий, как узнал, помертвел весь, царю в ноги бросился, на коленях о милости просил. Было что-то такое в Наталье, притягивала она к себе мужчин. Хотя и был на нее Алексей Михайлович обижен, а все ж приказал искать татя.

Искать начали по всей Москве – и очень скоро нашли душегуба. Сенька Жало, прозванный так за пристрастие к тонким узким клинкам, сказал, что нанял его какой-то высокий худой тип, вроде как старик, но точнее он не скажет. Вот перстень запомнился, да. Перстень приметный. И сапоги на старике были дорогие – тисненной золотом кожи. Словно и не нашенские...

И тут кто-то вспомнил, что Артамон Сергеевич эту моду любит...

Слово за слово, слух за сплетню – особенно старались те бояре, которых Матвеев утеснял, будучи подле государя. Да и идея его со свадьбой никому не понравилась. Милославские – те зло уже известное, а вот Матвеев – новое, незнакомое. Ровно что слепень ненасосавшийся. Голодные-то они завсегда злее сытых?

Вот и пошел слух за слухом, что Матвеев-де приказал резать девку за то, что царя удержать не сумела.

Что опаивал он царя зельем заморским, кое ему супруга готовит из лягушачьих кишок да мышинных хвостов, и опаивал он государя, пока тот у него в гостях был. А вот как перестали Матвеева до царя допускать, так и закончилось колдовство черное, злобное. Царь-то аж весь светится от счастья!

Матвеев, конечно, отговорился от всего.

Перстень-де у него украли, мало ли кто его теперь носит!

Сапоги?

Так и сапоги дело не сложное, мало ли мастеров на Москве.

Пытать царь его не приказывал, хотел побыстрее забыть об этой истории, но ложки нашлись, а осадок остался. И получил мужчина от царя распоряжение – ехать как можно скорее с Ираклием и до полной победы в Кахети обратно не возвращаться.

Ну, боярское дело такое, царь приказал – боярин согласился, поклонился и собираться

начал.

Софья этому только порадовалась, но оказалось – зря.

Недели не прошло, как попытались убить царевича Алексея.

* * *

Алексей и Иван как раз гостили у Феодосии Морозовой. Та была рада видеть сына, а уж царевича и вовсе принимала как самого дорогого гостя. Умна была женщина и понимала, что без мужской руки Ванечка вырос бы и слабым, и болезненным – да и вырос ли?

А вот как домой собрались, как поехали по переулочкам московским – тут и вышли на них шестеро татей. Да все с ножами, да рожи тряпками замотаны.

– А ну, стой, сопляки!

И коней под уздцы хватают.

Зря они это. Кони-то у ребят были не парадные, а боевые. Хоть и незаметно это с первого взгляда.

На Дону конь – боевой товарищ. Случись что – и на себе вынесет, и в бою поможет, потому и учат их что делать, когда враги под копытами.

Ребятам и командовать не пришлось – кони сами на дыбы взвились, троих стоптали, еще одного Алексей саблей достал, в пятого Иван нож кинул, а шестой утечь успел. Ваня закричал, люди прибежали, похватили негодяев да повели.

Позднее, в пыточных подвалах уже, разговорились. А покамест негодяев вели в пыточный приказ, а парни ехали домой и представляли, сколько и чего им выслушать придется.

И пришлось.

Алексей Михайлович взволновался, за голову схватился, приказал Алеше без охраны по городу не ездить. А еще приказал пытать негодяев пока не выдадут, кто их нанял. Царевны распереживались.

Сказать, что Софья встревожилась?

Это еще было мягко сказано! Братья у нее были, но Алешка-то – один! Уникальный! Сколько в него труда вложено!

Встревожился и царь. Сейчас-то он мог быть спокоен и за страну, и за остальных детей. Более того, понимая, что может уйти раньше своей Любушки, переговорил он об этом с Алексеем – и царевич дал отцу крепкое слово. Что бы ни случилось – всегда у его вдовы будет почет, уважение и понимание. Все, что она пожелает. А коли дети у нее родятся – воспитаем. Не бросим, оженим али замуж выдадим...

Вопрос – кто?! – терзал Софью почти месяц. И весь этот месяц Алексей неотлучно пробыл в Дьяково, по настоятельной просьбе сестры. Казаки патрулировали окрестности, а крестьяне... да ежели б узнали – КТО, так на клочья порвали бы.

Алексей смеялся, но сильно не спорил. Было в нем это качество, редко встречающееся в мальчишках, да и во взрослых мужчинах. Оценить то, что делают ради тебя, – и не препятствовать родным, потому что иначе они сойдут с ума от беспокойства.

Но татей мальчишки уходили насмерть. А оставшийся не сказал бы ничего – потому как сам не знал. Старший и заказ принимал, и договаривался, а они даже не знали, на кого лапку задрали.

Конечно, негодяя четвертовали, да толку-то с того?

Разгадка покушения нашлась неожиданно. В дверь к Лейле поскреблась одна девчушка.

– Тетенька, подайте хлебушка?

Лейла, находясь на последнем месяце беременности, стала сострадательной – они с Патриком принялись так усердно плодиться, что за эти годы произвели на свет трех рыжих мальчиков и теперь хотели девчушку. А потому сама вынесла девочке ломоть хлеба с мясом. Та вцепилась в них зверьком, а потом огляделась...

– Тетенька, на Москве бают, что вы царевне служите?

Лейла кивнула.

Действительно, про обычай царевен Анны, Татьяны и Софьи подбирать девочек, давать им образование, а там и замуж выдавать – шептались. И одобряли. И кусочек славы падал и на нее, Лейлу.

– Верно бают.

– Тетенька, а замолвите за меня словечко?

Лейла вскинула брови. Она могла бы, но... с чего? Да и девчушка бездомной не выглядела. Голодной, забитой – да. Но не бездомной. Слишком одежда на ней хорошая, сапожки крепкие, платок хоть и ветхий, но есть он. Синяки, конечно, но все ж...

– У тебя родных нет?

– Нет у меня никого, одинокая я.

Женщина вздохнула. И ведь не одна она такая...

– Поговорю я о тебе с царевной, слово даю.

– А я рассказать могу, кто на царевича нож точит!

Лейла вцепилась в девчонку коршуном.

– Что?! А ну рассказывай!

– Те-е-е-етенька!

Лейла от души топнула ногой.

– А ну молчи! Пошли-ка в дом, сейчас мне все расскажешь, а ежели стоит того твое дело – клянусь, сей же час замолвлю словечко царевне. Но коли лжешь... Сама себя проклянешь!

Девочку звали Евдокия, можно – Дуня. И она не лгала, ни в одном слове не лгала.

Год назад двенадцатилетняя девочка осталась без отца и матери. Так получилось – болезни не щадят никого. У родителей был трактирчик, маленький, уютный, из тех, куда стекается уйма народу, – и малышка с детства слышала много всякого.

Отцу помогала, матери, и родители берегли ее. Единственное и любимое дитятко.

Дядька же, унаследовавший трактирчик, ребенка и в грош не ставил. А то ж ему, у него жена, да и своих семеро по лавкам, вот к ним сироту и приставили. Да и в трактире, тут подать, здесь подтереть...

Она и делала. Только вот отец трактир держал честь по чести – сброд гонял, а дядька того не мог. Распустил он голь перекатную – и года не прошло, как трактирчик для чистой публики стал пользоваться дурной славой. Принялись там чуть ли не тати сходиться. Но дядька не возражал. Еще и краденое скупать принялся. А недавно...

Этого мужика она давно заметила. Матерущий... Глаза желтые, волчьи, на левой руке двух пальцев нет, в рукаве гирька... как вытянет кого...

Страшный.

Девочка про себя Волком его прозвала и близко к нему старалась не подходить, а тут тетка послала – за соседним столом компания подралась, все на полу оказалось – убрать

срочно надо было. Вот Дуня и ползала по полу, собирая заедки да тряпкой возя, когда...

– Сколько вы за щенков возьмете?

Второй, подсевший к Волку, был другим. Неправильным! Не место ему было в их трактире!

Вроде бы и одет он как крестьянин, а все ж таки!

Лейла, получившая в православии имя Лии, вцепилась в девочку клещом и добила-таки! Расспрашивала про руки, про лицо. Про голос – и оказалось, что на руках у него следы от перстней тяжелых, да и сами руки слишком белы. Не бывает таких у крестьян. И запах...

Борода-от у мужчины седая, длинная, а запах от нее вкусный. То дорогие благовония, крестьяне таких век не укупят!

– Обоих?

– Да. Они всегда вместе ездят, так что за каждым бегать и не надо...

– Не возьмусь. Хоть кошель золота насыпь.

– А ежели два кошеля. Или три?

Волк явно заколебался.

– Пять кошель отсыплю, десять, тысячу золотом дам! Уедешь, дело свое начнешь...

– Насолил тебе, боярин, царский сын?

– Откель знаешь...?

– Да кто ж тебя на Москве не знает. Шапку надвинул, так и лицо поменял? Голос сменил, повадки избыл?

– Не твое дело! Молчи лучше...

– Так мое или не мое?

– Коли возьмешься...

– Возьмусь. Но заплатишь ты мне половину вперед.

– Десятую часть...

– Тебе, боярин, уезжать скоро.

– Много ты слишком знаешь...

– И того больше знаю, и дело твое сполню лучше иных.

– Десять дней тебе сроку дам – управишься?

– Чего ж нет, ежели в городе они оба. И к Морозовой часто ездят. В Дьяково я бы их не достал, а здесь мое место... И царь своего сыночка не спасет...

Вот тут Дуняша едва себя и не выдала, чуть не вскрикнула, да слава богу, отвел! За руку себя до крови укусила, молчать, ни звука, ни слова, только молчать!

– Молчи! Обоих под плаху подведешь!

– Неуж у тебя, боярин, послать некого?

– Ты бы такое кому доверил?

– Половину вперед.

На чем они сошлись, Дуняша так и не поняла. Собрала осколки да черепки – и на кухню поспешила с самым придурковатым видом. А уже ночью и обмыслила все...

Только слепой да глухой в городе не знал, что царевич да Иван Морозов частенько к боярыне Морозовой наведываются! Да и про Дьяково она слышала. Два дня промаялась, а на третий пришел Волк опять в трактир. И взгляд у него был нехороший...

А на Москве зашептались, что на царевича ночью тати лихие ножи подняли. И той же ночью Дуня решила бежать хоть бы и к Лейле. Про нее давно вся Москва знала, что вхожа та к царевне, а уж через царевну и государю сказать можно...

Как Лейла девчонку ни пытала – не лгала та. Так что вернувшийся домой Патрик Гордон был озадачен, приказал заложить карету и лично сопровождал жену с девочкой до Кремля.

Надо ли говорить, что к Софье главную наставницу всего женского батальона, как шутливо называла своих девочек царевна, пропустили невозбранно. И чистенько отмытую Дуняшу тоже.

Девочка, как увидела царевну, так поначалу и оробела. Но Софья умела разговаривать любого.

* * *

Спустя два часа Софья задумчиво смотрела в стену.

Вот, значит, как...

Матвеев, с-собака страшная.

С другой стороны, а чего она ожидала? И это он еще не знает точно, кто порешил Нарышкину. Только догадывается...

Да, дело было так...

Фрол Разин смотрел на Софью спокойно. Привык уже разговаривать с этой девчонкой как со взрослой. Царевич доверял ей, да и сама она – как взглянет иногда, как скажет что – мороз по коже бежит. Опять же Аввакум ее уважает, старшие царевны прислушиваются – необычная эта девчонка, ой необычная. Стало быть, и выслушать ее не грех, да и послушаться.

– Фрол, здесь добыча из матвеевских сундуков.

– Да, государыня.

– То, о чем я тебя хочу попросить, – опасно. Головы полетят, ежели дознаются. Можешь либо отказаться сразу – либо молчать. Всю жизнь молчать.

Отказываться Фрол не собирался. Хорошо помнил, как дитем рыдал, когда Иванку несправедливо сказнили смертью лютой. И помнил ночь, когда царевич вызвал его к себе и сообщил, что месть свершилась. С тех пор служил он не за страх, нет. На дыбу пошел бы за своего царевича. Ну и за его сестру. Все равно эти дети все делали, как один, думали, как один, никогда промеж них распри не было...

– А государь царевич знает ли?

– Знает, просто в Москве он сейчас. А дело делать срочно надо.

– Так что надобно, государыня?

Услышав все в красках и подробностях, Фрол аж поперхнулся. Ему предлагалось крупно подставить боярина Матвеева – наняв не меньше десятка человек для убийства Натальи Нарышкиной. Вот натуральная матвеевская одежда, вот реквизит – то есть борода седая, вот деньги...

– Так ведь и правда убьют девку, государыня?!

Софья пожала плечами. Вот уж что ее не волновало. Убьют?

Замечательно. Ни к чему ей такие радости, как обиженная женщина за спиной. Ой ни к чему! Тем более Наталья неглупа, два и два уже сложила, начнет супруга против Алексея накручивать – и начнется. Бунт, отделение, отложение...

А дивизий пока еще нет. Есть пара полков, в одном из которых, кстати, крутится Патрик Гордон, но покамест соглядатаев там больше, чем необходимо.

Да и Алексей Михайлович... нет человека – нет проблемы. По Ефимии он страдал сколько, теперь ежели Наталья вздумает ему писать али в ноги кидаться... Это касимовская невеста гордая была до слез, опозорили девчонку на всю страну, а она даже бороться не стала. А эта не побрезгует. И мужа отравить, и Любаше напакостить...

Нет уж, лучше такое исключить.

Не убьют?

Так хоть напугают – впереди своего визга полетит девка в Кахети и высунуться оттуда побоится.

Поймают убийцу – она в силе, поскольку Нарышкина век больше Матвееву не поверит, а без него за спиной, сама по себе, она немного значит. Не поймают? Так все равно бояться будет.

Не то чтобы Софья хотела убить Наталью. Как получится. Но и слез проливать по Нарышкиной не собиралась.

Кто ж знал, что Фрол так удачно наймет Сеньку Жало? Он сам признавался, что нанял десятка два татей в разных трактирах. И один, вот...

Наталью жалко не было. Туда и дорога.

А вот получить ответку Софье не понравилось. Хотя что тут удивительного?

Матвеев, сильно обидевшись на поломанную карьеру, то ли переговорил с Натальей, то ли еще откуда все выяснил – и тоже нанял татей. Но уже для охоты на Алексея.

Ну погоди у меня!

Софья задумалась.

Как быть?

Убивать Матвеева? То бишь нанять для него десяток киллеров? Она может, только смысла в том нет. Не он, так еще кто...

Не-ет, это все должно выползти на свет божий.

Надо составить план, проработать детали. Судя по Дуняшиному рассказу, этот Волк заказчика признал... значит – Волка и надобно ловить. Да не просто так, ведь не поверит царь обычному татю, а значит, и Матвеева не тронет. А что можно придумать?

– Соня, ты тут сидишь?

– Что случилось, братик?

– Посольство польское в Кремль пожаловало.

– И что?

– Отец ругается, чуть ли не сызнова воевать хочет!

– ЧТО?!

* * *

Все вышло не так страшно, как поначалу показалось Софье. Просто после войны с Польшей, она же Речь Посполитая, и отречения Яна Казимира на троне уселся Михайло Корибут Вишневецкий. Как Алексей Михайлович ни интриговал – все одно не выбрали Алексея Алексеевича. И вот теперь новоявленный правитель наводил мосты.

Прислал посольство, кланялся... одним словом, «ребята, давайте жить дружно».

А вот Алексею Михайловичу это не понравилось. Он едва ли не гнать посольство велел, но Алексей Алексеевич сумел тактично вступить...

Софья задумалась.

Речь Посполитая...

Вообще, дружить с ними выгоднее, чем воевать. И как?

А идея была проста...

— Алешенька, а Михаил женат?

— Нет, Сонюшка...

— А у нас Марфинька на выданье...

— Ты думаешь...

— А почему бы нет? Ты ведь и сам ее знаешь!

И верно, восемнадцатилетняя красавица могла кому хочешь вскружить голову. Темные волосы она унаследовала от Марии Милославской, синие глаза от отца, от него же и статную фигуру, а учитывая, что последние несколько лет Софья занималась ею вплотную, результат был... потрясающим.

Марфа отлично могла себя подать; благодаря физическим упражнениям она стала сильной и гибкой, говорила на нескольких языках, свободно читала и писала на родном и чуть хуже на латыни и турецком. Польский с ней никто не осваивал, но было б желание...

Ребята переглянулись.

— Он католик...

— Аввакум обоснует...

— И отец как на тетку Ирину поглядит, так и...

На лицах царевича и царевны возникли абсолютно одинаковые хищные улыбки. Вот сейчас, как никогда, было видно, что они брат и сестра. И мысли у них были одни и те же.

Невеста согласится?

Кто бы сомневался!

Теперь осталось уговорить двух государей.

* * *

— Тятенька, я подумал тут... сильно ли ты на поляков обижен?

Алексей Михайлович пожал плечами. Он был влюблен, счастлив, Любушка умело поддерживала мужа в этом состоянии, а потому даже на поляков он гневался скорее по инерции.

— Не то чтобы сильно, сыне, но хотел я тебя на польском престоле увидеть...

— А ежели не меня?

— А и не тебя – этого Вишневецкого пригласили!

— Так он ведь не женат. А мы с ним граничим...

Синие глаза вспыхнули интересом.

— И?

— Марфинька в возраст вошла.

— Не Дуняша?

— Нет, тятенька. Не справится Дуняша, слишком она в стороне от всего держится...

Алексей Алексеевич добавил бы еще, что, как и воспитавшая ее тетка Ирина, Дуняша слишком склонна вертеть всеми окружающими, но неумело и по-глупому.

— Так жене и не надобно в центре внимания быть.

– Тятенька, так Марфинька языки знает, танцевать умеет, опять же политес весь изучила, что при европейских дворах принято, в платье их ходить умеет...

– И откуда бы?

Сдвинутые брови хмурились, а синие глаза смеялись. Знал он про занятия, донесли. Но и препятствовать не стал, чего уж там! Пусть лучше девка языки учит, чем на незанятую голову чего придумает!

– Так мир не без добрых людей, – не дрогнул парень.

– И что ты делать хочешь?

– Тятенька, я тут узнал, – действительно, Ордин-Нащокин вчера весь вечер бегал и узнавал, – за него Элеонору Австрийскую сватают. А чем мы хуже?

Вопрос был актуальным. Леопольда Алексей Михайлович не любил, да и Священную Римскую империю – тоже. Католики...

– Предложить ему мирный договор...

– Да. Мы его более трогать не будем, а случись что – поможем полками. Для зятя не жалко.

– А ежели они Марфиньку потребуют католичкой сделать?

Это был самый скользкий момент. Но и его уже обговорили дети.

– Тятенька, кто бы там что ни пробормотал: православной Марфинька была – ей и останется. И дети ее православными вырастут. И мы можем потребовать, чтобы Михаил у себя разрешил храмы строить, чего ж нет? Так что душа ее не пострадает.

– Ох, Алешка, наплачутся от тебя девки. Кого хочешь обведешь...

Алексей Михайлович и не ругался.

– А еще муж да спасется женой своею...

– А не жена – мужем своим?

– Так ежели мужу не повезло католиком родиться? Мы вот реформу делаем, книги переписываем...

Намек вышел достаточно толстым, но Алексей Михайлович не обиделся. Идея была неплохая.

Не получили престол для сына?

Получим его для дочери!

А дальше будет видно. Зато Леопольду ноги оттопчем!

Мужчина подумал – и кивнул. Почему бы не попробовать?!

Память о слезах любимой сестры камнем висела у него на сердце. Неужто он Марфиньку тоже в девках оставит?

* * *

Царевна Марфа известие восприняла с энтузиазмом и принялась спешно учить польский, для чего переехала под крылышко теток в Дьяково. То, что параллельно она изучала и другие вещи, уже эксклюзивно, от Лейлы, скромно умалчивалось. Зачем царю знать, что гаремные девушки много чего умеют в постели?

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

В реальной истории он так же писал сию пьесу, но представляла ее царевна Софья. Т. к. в данном случае это невозможно, вполне естественно для Симеона было договориться с Матвеевым. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

В реальной истории это произошло чуть позже, но на то были свои причины, которых нет в этой версии. *(Примеч. авт.)*